

[Polaris]

ВЕЛИКИЙ

ЗВЕРЬ КАФУЭ

Забывтая палеонтологическая
фантастика

Том XI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СХСIII

Salamandra P.V.V.

ВЕЛИКИЙ ЗВЕРЬ КАФУЭ

**Забывтая
палеонтологическая
фантастика**

Том XI

Составление и комментарии
М. Фоменко

Salamandra P.V.V.

Великий зверь Кафуэ. Сост. и прим. М. Фоменко (Забытая палеонтологическая фантастика. Том XI). – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 154 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХСIII).

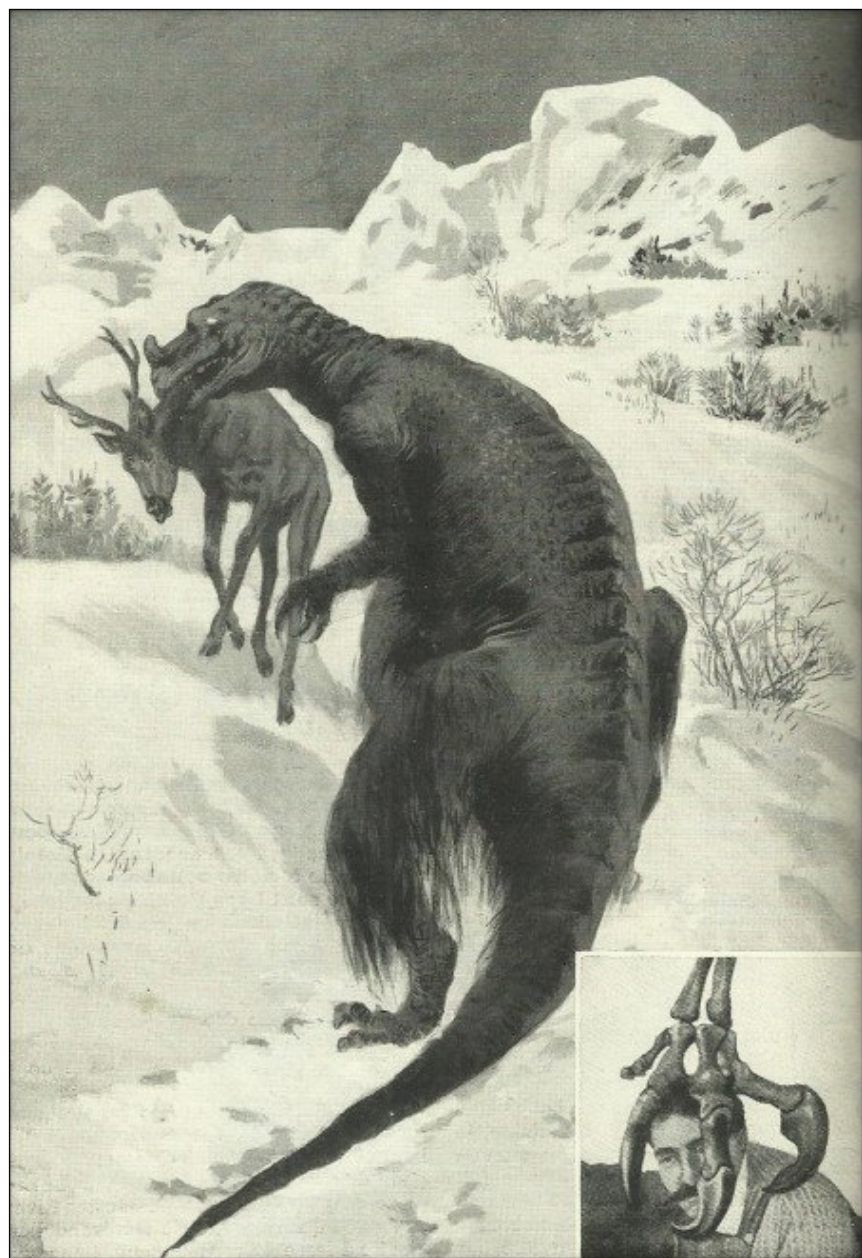
Палеонтологическая фантастика – это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это – захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это – повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

Антология «Великий зверь Кафуэ» продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций забытой палеонтологической фантастики. В книгу включены произведения 1900-х – 1920-х гг. Большинство из них впервые переведены на русский язык. В издании сохранены оригинальные иллюстрации, составляющие неотъемлемую часть первых публикаций.

© Authors, translators, 2017

© М. Fomenko, состав, комментарии, 2017

© Salamandra P.V.V., оформление, 2017

ВЕЛИКИЙ ЗВЕРЬ КАФУЭ

Джюльен Джозефсон

**ГРЕГОЗАВР ИЗ
ЧЕРНОГО ОЗЕРА**

Ли Сум скатал еще комок,
Видений потянул дымок...

«Сны в трубке»

Года три назад правительство Соединенных Штатов поручило моему старому другу и бывшему наставнику в колледже, профессору Уортону, поиск костей ископаемых животных в области Черного озера в юго-западном Орегоне. Мне выпала честь сопровождать профессора в качестве личного секретаря и ассистента.

Должен объяснить, что этот район расположен среди суровых и труднопроходимых гор; чтобы добраться до Черного озера, необходимо пересечь пешком, ведя в поводу выючных лошадей, около ста пятидесяти миль непроторенной и дикой местности. Поскольку ни я, ни профессор никогда прежде там не бывали, нашей первой заботой стал поиск надежного и физически крепкого проводника. И здесь мы неожиданно столкнулись с серьезными трудностями: хотя многие искусные охотники и трапперы, зарабатывавшие на жизнь преимущественно как проводники, предлагали нам свои услуги — все сейчас же отказывались от места, стоило им узнать, что мы намерены исследовать окрестности Черного озера.

Профессора Уортона одновременно раздражало и ставило в тупик их непонятное поведение. Наконец он прямо спросил у одного из охотников:

— Почему вы все отказываетесь нас сопровождать, как только мы говорим, что направляемся к Черному озеру? Вот вы, к примеру, человек опытный, в горах не впервые. Неу-

жели такое путешествие кажется вам слишком трудным или долгим?

Старый, загорелый, седой охотник покачал головой и криво улыбнулся.

— Вы, как я вижу, в этих местах чужак, иначе не спрашивали бы, — мрачно отвечал он. — Знайте, сэр, вы ни одного белого не убедите идти на Черное озеро, даже если предложите целую тысячу долларов!

Не успели мы выслушать странное замечание и приступить к дальнейшим расспросам, как охотник был таков.

После долгих и малоприятных поисков мы в конце концов нашли человека, который согласился провести нас к Черному озеру. Это был индеец из племени кламат, по имени Поджи; индеец заверил нас, что окрестности Черного озера ему хорошо знакомы, так как он нередко охотился там на оленей-вапити. Не стоит и говорить, как возбуждено было наше любопытство отказом белых охотников сопровождать нас к озеру; мы спросили Поджи, известна ли ему причина их необъяснимого страха.

Услышав вопрос, старый Поджи широко улыбнулся, показав все свои редкие, пожелтевшие передние зубы. Затем он на ломаном английском поведал нам, что примерно лет двадцать тому к Черному озеру отправилась партия из четырех золотоискателей. Трое из них назад так и не вернулись. Единственный выживший, по словам Поджи, рассказал невероятную историю о громадном чудовище, обитавшем в большой пещере у верховьев озера; оно-то якобы убило и сожрало его компаньонов. Рассказу золотоискателя никто не поверил. Все решили, что пережитые беды и страдания свели несчастного с ума и он просто-напросто вообразил, что видел чудовище.

— Но с тех пор, — завершил свое повествование старый Поджи, — ни один белый и близко не подходил к Черному озеру.

Мне его история показалась любопытной. Конечно, я не принял на веру ни слова, и все-таки что-то в ней меня встревожило. Что же до профессора, то он лишь весело улыбнулся и осведомился:

— И как выглядело это чудовище?

Поджи посерьезнел.

— Дед отца моего отца видел чудовище, — торжественно провозгласил он. — Белый человек не был безумцем, он говорил правду! Это жуткое существо — с головой змеи, телом огромного быка и хвостом, как у громадной ящерицы. Наш народ издавна называет его «Иджват» — Иджват, пожиратель людей!

Я внимательно наблюдал за профессором, стараясь оценить воздействие рассказа. В какой-то момент мне почудилось, что профессор побледнел; возможно, я ошибался. Как бы то ни было, он выслушал Поджи и только спросил:

— Так что же, белые люди верят в дурацкие рассказы о чудовище?

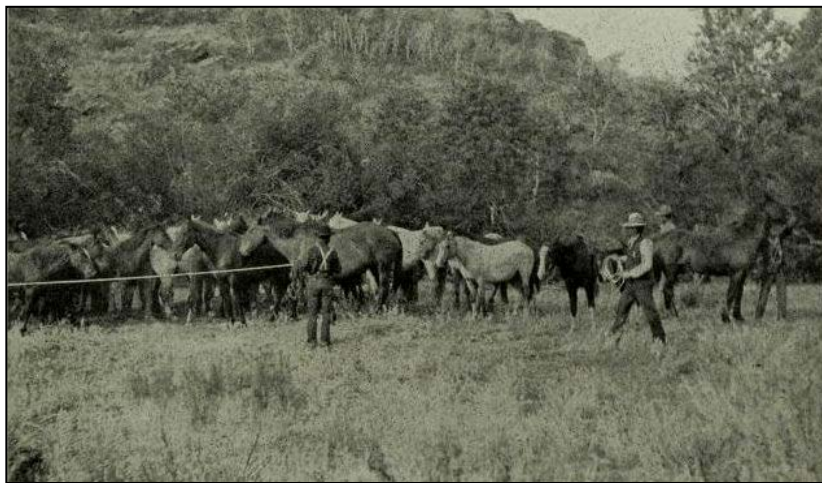
— Это правда! Отцы моего народа не лгут! — упрямо возразил Поджи.

— Ерунда! — воскликнул профессор и, понизив голос, обратился ко мне:

— Животное, которое описал Поджи — грегозавр, существо, вымершее по меньшей мере пять тысяч лет назад. Предания о нем, вероятно, передавались с древнейших времен. С другой стороны, — он помедлил, задумавшись, и продолжал, будто разговаривая сам с собой, — история племени кламат не может насчитывать более двух тысяч лет. Странно, очень странно!

Впрочем, грегозавр или нет, у нас наконец-то появился проводник. Два дня спустя, отобрав выючных лошадей, мы начали долгое путешествие к Черному озеру. С самого начала его и вплоть до того дня, когда мы ступили на берега Черного озера, нам пришлось нелегко. На протяжении первых пятидесяти миль к нашим услугам были проселки и тропы. Но чем дальше мы поднимались в горы, тем быстрее исчезали тропинки. Мы оказались в местах, где никогда, вероятно, не ступала нога белого человека. Не раз нам приходилось браться за топоры и рубить густой кустарник, освобождая путь для каравана выючных животных. С приближением к центральной части этой скалистой местности окрестный пейзаж становился все более диким. Со всех

сторон, окружая нас, громоздились высокие, как горы, нависающие скалы. Мы с трудом пробирались сквозь темные ду-

Отбор вьючных лошадей.

бовые и сосновые чащобы или густые заросли калины и орешника. Олени, испуганные непривычным зрелищем людей и лошадей, то и дело шарахались прочь и с треском ломались сквозь кусты. Как-то мы заметили большого бурого медведя; он с секунду недоуменно глядел на нас, затем повернулся и помчался со всех ног. И наконец, на исходе двадцатого дня пути, мы разбили палатку на берегу Черного озера.

Мы с Поджи чувствовали себя усталыми и подавленными, но профессор казался воплощением энтузиазма. К тому времени, как мы поужинали, ночной воздух повеял холодом. Мы развели у палатки небольшой костер и с удобством расположились вокруг. Чуть позднее, по предложению Поджи, мы вычистили и заново зарядили наши ружья и револьверы.

Покончив с этим занятием, профессор внезапно обернулся к Поджи.

— Поджи, — добродушно сказал он, — я не думаю, что ты действительно веришь в существование чудовища, которое называешь Иджватом. А если веришь, почему пошел с нами, рискуя жизнью?

Черное озеро

— Иджват здесь! — произнес старый индеец так внушительно, что я невольно огляделся по сторонам. — Я пошел, потому что стар и мне все равно скоро умирать!

Грегозавр, однако, предпочел не устрашать нас в ту ночь своим появлением. Мы отлично выспались, рано проснулись, позавтракали и, следуя за Поджи, приступили к поискам костей. В то утро мы ничего не нашли. Но в послеобеденные часы, когда мы начали осматривать большую пещеру в верховьях озера, я внезапно услышал ликующий возглас профессора, который тем временем успел углубить-

ся в темные коридоры. Миг спустя он направился ко мне, неся на плече огромную кость и пошатываясь под ее тяжестью.

— Это грегозавр! — кричал он. — Грегозавр! Единственные когда-либо найденные останки грегозавра. Одна эта кость окупает все наши невзгоды!

Я бросился к нему на помощь и мы вместе вытащили колоссальную кость на свет. Поджи смотрел на нас с любопытством и некоторым испугом. Мы осторожно опустили драгоценную ношу на песок. Профессор достал лупу и принялся разглядывать находку. С минуту он изучал ее, глядя в свое мощное увеличительное стекло, — и вдруг выронил лупу, побледнел и вскочил на ноги, озираясь с самым диким видом.

— Господи, помогите нам! — хрипло воскликнул он. — Индеец прав! Этой кости нет и пятидесяти лет. Грегозавры жили парами. Самица, должно быть, еще жив и скрывается в пещере!

Я содрогнулся, услышав его слова, и заметил, что Поджи тоже дрожит. Однако профессор мгновенно обрел привычное спокойствие, что быстро привело нас с Поджи в чувство. Мы инстинктивно повернулись к Уортону в ожидании мудрого совета.

— Нам нужно немедленно выбираться отсюда! — торопливо и решительно сказал профессор. — Если грегозавр в самом деле здесь, он не учуял нас по одной причине — он спит! В состоянии бодрствования грегозавр способен чувствовать запах добычи на огромном расстоянии. Будем надеяться, что наши пули смогут его убить. Тогда нам ничего не грозит. Если пули окажутся бесполезны, спасти нас сможет только Бог...

Мы помчались к выходу. Но едва мы выскочили наружу и пробежали сотню шагов, как из глубин пещеры донесся ужасный, оглушительный рев, словно исходивший из окованной медью глотки.

— Грегозавр! — выдохнул профессор, оглядываясь через плечо. — Бежать бессмысленно, — твердо продолжал он. — Будем защищаться!

Мы резко остановились и повернулись к пещере. Зев ее находился сейчас не более чем в ста пятидесяти ярдах от нас. Мы расстегнули кобуры револьверов, взяли ружья на изготовку и стали ждать появления чудовища. Спустя несколько мгновений Существо медленно выбралось из пещеры. Оно с любопытством взглянуло на нас большими, налитыми кровью глазами, жутко ощерив громадные желтые клыки. Затем, длинными неуклюжими прыжками, оно с невероятной быстротой ринулось на нас.

— Стреляйте в голову! Цельтесь точнее! — предупредил профессор, прицеливаясь и держа ружье твердой, как камень, рукой. Один за другим быстро последовали два выстрела. Буквально в тот же миг мы с Поджи послали в бегущее чудовище две хорошо выверенные пули. Грегосавр издал оглушительный рык боли и на секунду остановился. Мы понимали, что эта секунда — наш единственный шанс спастись. И потому, тщательно целясь в припавшее к земле чудовище — оно было теперь менее чем в пятидесяти шагах от нас — мы продолжали стрелять. Гигантская пасть грегосавра обагрилась кровью; он подпрыгнул высоко в воздух и с глухим тяжелым ударом рухнул на землю. Но вдруг он вскочил на ноги и устремился к озеру. Он плыл, оставляя за собой длинную полосу крови — и внезапно ушел под воду. Больше мы никогда не видели грегосавра Черного озера.

* * *

Чудовище было убито, и мы смогли полностью исследовать пещеру. В ней мы обнаружили множество костей грегосавров, но все они, вне сомнения, были очень древними. Что же касается нашего рассказа о живом грегосавре, то ученые сперва опровергали наши слова и поднимали нас на смех. Но когда мы показали им огромную и сравнительно свежую кость, они быстро изменили свое мнение. Весь научный мир гудел от волнения. На Черное озеро, в надежде

найти останки убитого нами грегозавра, была направлена экспедиция, включившая лучших ученых страны. Все озеро прилежно прочесали, дно его внимательно осмотрели опытные водолазы — но никаких следов животного выявить не удалось. Вероятно, его тело глубоко ушло в податливый густой ил, устилавший дно Черного озера.

Величайшие ученые не смогли ответить на вопрос, как и почему грегозавры продолжали существовать спустя пять тысяч лет после своего предполагаемого вымирания. Читатели, таким образом, могут строить по этому поводу любые гипотезы.

Жорж Дюпуи

**ЧУДОВИЩЕ
ПАРТРИДЖ-КРИК**

Илл. Loévy

Г-н Жорж Дюпуи, известный французский писатель и путешественник, не раз исследовавший полярные регионы, рассказывает ниже о поразительном случае, происшедшем с ним в замерзших степях Аляски. Г-н Дюпуи, чья добросовестность не подлежит сомнению, берет на себя всю ответственность за этот необычайный рассказ, который, следует заметить, не противоречит известным научным фактам. Сопровождающие его рисунки были выполнены в соответствии с набросками и описаниями, представленными г-ном Дюпуи.

Нижеследующая история никак не является выдумкой. Мне хотелось бы прежде всего заверить читателей, что я отнюдь не пытаюсь злоупотребить их доверчивостью. В отношении удивительного события, которое я намерен описать, я намерен придерживаться фактов и только фактов, какими бы ошеломляющими и невероятными они ни показались с первого взгляда; я расскажу о том, что видел собственными глазами — а зрение у меня отличное — и что видели трое моих товарищей (все они люди белые), не считая пяти индейцев из племени клаякук, чьи становища находятся на берегах реки Стюарт.

Привожу имена трех свидетелей, видевших все самостоятельно и готовых подтвердить достоверность моего рассказа. Первый из них — мой многолетний компаньон по охоте, мистер Джеймс Льюис Батлер, банкир из Сан-Франциско; второй — мистер Том Лимор, горняк с реки Мак-Квестен на территории Юкон; и наконец, преподобный Пьер Лаванье, канадский француз и миссионер в индейской деревне Армстронг-Крик неподалеку от р. Мак-Квестен.

За десять лет путешествий по четырем концам света мне довелось столкнуться с множеством самых поразительных вещей, и странное событие, о котором я говорю, превратилось лишь в яркое воспоминание. Однако несколько дней назад, 24 января 1908 года, я получил в Париже следующее послание, подписанное отцом Лаванье, который проводит жизнь со своей дикарской паствой в шестистах милях к северо-западу от Клондайка. Привожу его письмо дословно:

Армстронг-Крик,
1 января 1908

Любезный мой духовный сын,

«Торговец» с берегов Мак-Квестен только что остановился здесь со своими собаками и санями. Ему выпало нелегкое путешествие из Доусона через Барлоу, Флэт-Крик и Доминьон. Я ожидаю получить от него через две недели свежую провизию и новости из внешнего мира. Сегодня первый день Нового Года, и мне хотелось бы выразить в этом письме самые теплые пожелания здоровья и счастья. Надеюсь, наступивший год подарит мне удовольствие принять Вас под своей скромной крышей на другом краю земли. Не верится, что Вы позволите старому другу с Великого Севера препоручить свои останки индейцам (которые рано или поздно опустят их в плетеный гроб), не повидавшись с ним еще раз.

Я получил Вашу книгу и с величайшим наслаждением ее прочитал. К слову, Вы ошиблись, рассказывая об этом бедняге, Джоне Шпице. Увы! он больше не почтальон района Дункан. Бедолага умер в Игл-Кэмпе вскоре после Вашего отъезда, не оправившись от ран, полученных при стычке с «лысомордым»¹, о которой Вы, безусловно, помните.

Поскольку речь зашла о свирепых животных, поверите ли Вы, если я скажу, что десять моих индейцев и сам я в канун Рождества снова видели этого ужасного зверя из Партридж-Крик. Он ураганом пронесся по замерзшей реке, выламывая задними ногами огромные глыбы льда из ее грубого покрова. Шерсть серебрилась от инея, а маленькие глазки сверкали, как огоньки в сумерках. Зверь держал в пасти нечто, показавшееся мне карибу. Он мчался со скоростью бо-

¹ Лысый или коричный медведь — бурый медведь Арктики (*Здесь и далее прим. авт.*).

Зверь держал в пасти нечто, показавшееся мне карибу.

лее десяти миль в час. Температура в тот день упала до минус сорока пяти градусов. Несомненно, это был тот же зверь, которого мы видели раньше. Вместе с вождем Стинешейном и двумя его сыновьями я прошел по следам, что в точности походили на виденные нами — Лимором, Батлером, Вами и мной — в грязи той «лосиной поилки»¹. Шесть раз мы измеряли на снегу отпечатки гигантского тела, и величина его была такой же, как прежде, вплоть до двадцатой доли дюйма. Мы шли по следам до самой реки Стюарт целых две мили, но затем начался небольшой снегопад и скрыл следы».

При чтении письма мне живо вспомнилась собственная встреча с чудовищем — так убедительно подтвержденная отцом Лаванье — и я решил рассказать о ней.

История моего друга Батлера

Стоянка Мак-Квестен, этот далекий уголок дивного Юкона, где восемь месяцев в году царит жесточайшая зима, а короткое лето отличается чудесной красотой, четырежды на протяжении восьми проведенных на севере лет служила мне местом отдыха. Мой друг из Сан-Франциско, мистер Батлер, приехал в Доусон-Сити с целью приобретения концессий на разработку золотых приисков и обещал присоединиться ко мне для совместной охоты. В один прекрасный день, когда я пил после обеда кофе на веранде хижины отца Лаванье, я услышал чей-то свист с противоположной стороны реки. Там в тени деревьев шло вверх по течению выдолбленное из древесного ствола каноэ, где сидели два индейца с веслами. С ними был и Батлер.

— Старина, — сказал он, с улыбкой пожимая мне руку и стараясь скрыть явное волнение, — я просто обязан рас-

¹ Сернистый источник, редко замерзающий зимой, куда животные приходят на водопой во все времена года.

сказать тебе кое-что очень странное. Известно ли тебе, что до- исторические чудовища все еще существуют?

*Место, где автор встретился со своим другом Батлером
(с фотографии)*

Я покатился со смеху, и мы пошли по тропинке к дому отца Лаванье. Батлер снял заляпанные грязью сапоги, усе- ся в удобном кресле и начал:

— На озере Грейвел я оказался во вторник вечером и оттуда направился к устью Клир-Крик, зная, что именно там меня будут ждать присланные тобой люди. Дорога была мерзейшая — сорок миль по болотам. Наконец, уже в тем- ноте, я спустился с холма и с радостью увидел освещенные окна хижины Гранта. Грант был дома и накормил меня от- личным ужином. Рано утром, то есть вчера, Грант по обык- новению тихо и спокойно сообщил мне, что за плоскогорьем Партридж-Крик мирно пасутся три превосходных лося. Мы наскоро проглотили завтрак и вчетвером — Грант, два твоих человека и я — тронулись в путь. Мы пошли в обход и очутились на вершине холма, где притаились, растянув- шись на земле. Отсюда была хорошо видна «поилка» в до-

лине; рядом три огромных лося безмятежно объедали мох и лишайники. Внезапно все трое подскочили и один из самцов издал громкое мычание, которое у этих животных служит сигналом появления преследователя или смертельного ранения. После все три лося безумным галопом унеслись на юг.

— Что случилось?

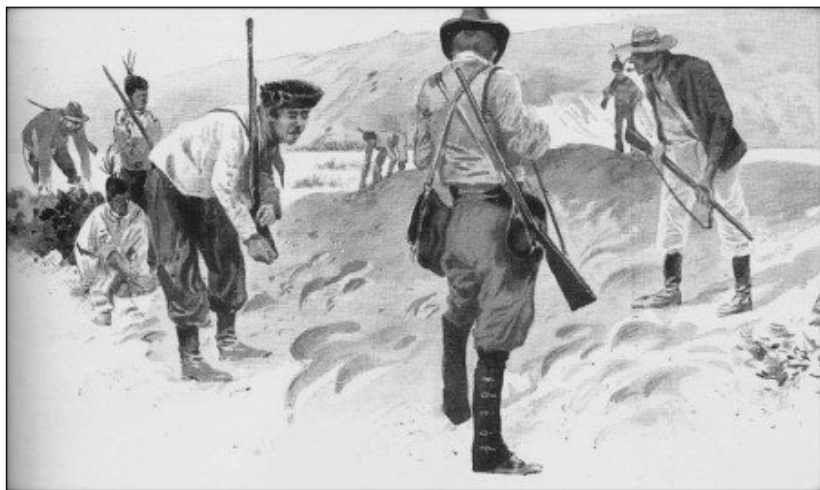
— Мы решили приблизиться к месту, где лоси так сильно чего-то испугались. Поилка имела шестьдесят футов в длину и пятнадцать в ширину. Там мы увидели в грязи, почти на уровне воды, свежий отпечаток тела колоссального зверя. Брюхо оставило в грязи вмятину более двух футов глубиной, тридцати футов в длину и двенадцати в ширину. По обеим сторонам и чуть сбоку от главного отпечатка мы нашли четыре вмятины поменьше, длиной в пять и шириной в два с половиной фута, оставленные гигантскими лапами; когти длиной больше фута заканчивались остриями, глубоко погрузившимися в глину.

Мы двинулись по долине и миль пять или шесть шли по следам чудовища, но в ущелье Партридж-Крик — горняки называют такие места «вымоинами» — следы вдруг, как по волшебству, оборвались.

Как мы повстречали чудовище

На следующий день, в пять утра, отец Лаванье, Батлер, Лимор (спешно вызванный нами горняк, живший по соседству), я и пятеро индейцев пересекли в двух каноэ реку Стюарт. Ни один из двух проводников, а также сержант конной полиции, который довольно скептически отнесся к нашему рассказу, и местный почтальон не согласились нас сопровождать.

Весь день мы безуспешно прочесывали долину небольшой речки Мак-Квестен, плоскогорье Партридж-Крик и местность между Барлоу и величественными, увенчанными снеговыми шапками горами.

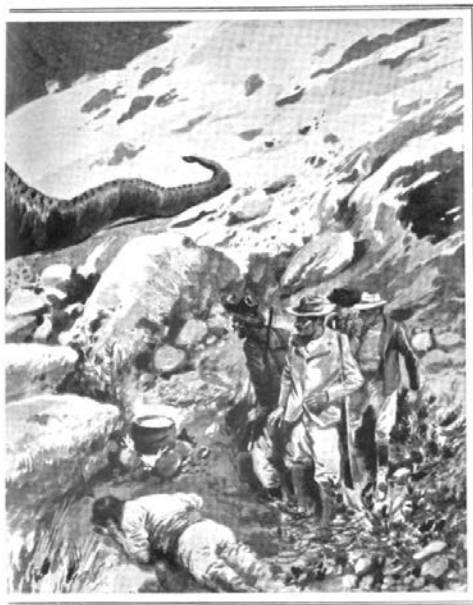
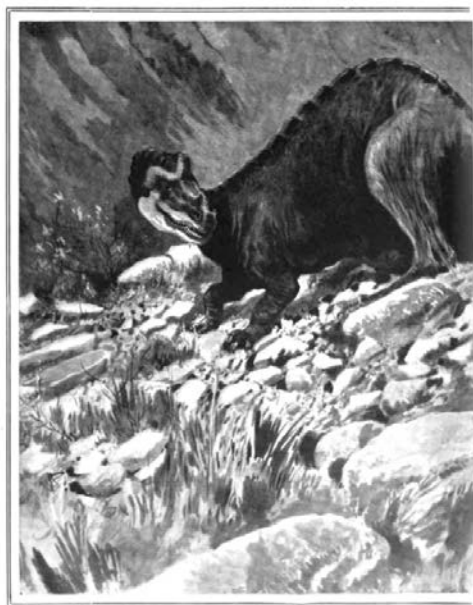
Мы двинулись по долине и миль пять или шесть шли по следам чудовища.

К вечеру мы совершенно вымотались от этого хождения по болотам и разожгли костер над каменистым ущельем. Солнце садилось. Лежа у огня, мы лениво смотрели на поблескивающую поверхность болот, где только что без толку бродили.

Чай закипел и все как раз собрались по очереди погрузить в котелок оловянные кружки. Но неожиданный шум осыпающихся камней и странный, резкий, пугающий рев заставили нас всех вскочить на ноги.

Зверь, на которого мы охотились — черное, колоссальное животное — медленно и тяжело взбирался по противоположной стене ущелья. В пасти у него было какое-то кровавое месиво, челюсти что-то пережевывали; из-под ног существа скатывались вниз большие валуны!

Отец Лаванье, Лимор и я в ужасе пытались вскрикнуть, но ни единый звук не вырвался из наших пересохших ртов. Мы невольно схватили друг друга за руки. Пятеро индейцев уткнулись лицами в землю и дрожали, как осенние листья. Батлер уже спускался с холма.

—Цератозавр! —цератозавр Северного полярного круга! —
пробормотал отец Лаванье, выбивая зубами дробь.

— Цератозавр! — цератозавр Северного полярного круга! — пробормотал отец Лаванье, выбивая зубами дробь.

Чудовище остановилось едва ли в двадцати шагах от нас, улеглось на громадное брюхо и уставилось, не шевелясь, на красный диск солнца, окрашивавший все вокруг таинственным светом.

Фотография когтистой лапы динозавра из нью-йоркского музея.

Целых десять минут, прикованные к месту какой-то странной, необоримой силой, мы рассматривали это ужасное видение.

Мы, однако, всецело владели своими чувствами и ни тогда, ни теперь ни на миг не сомневались, что оно было явью. Перед нами было живое существо, не иллюзия и не призрак.

Цератозавр повернул огромную шею, но нас, похоже, не заметил. От земли до холки было не меньше восемнадцати футов. Длина тела, от раскрытых челюстей с торчащим над ними, как у носорога, рогом и до кончика хвоста, составляла по крайней мере пятьдесят футов. Шкура с жесткой серовато-черной щетиной напоминала шкуру дикого кабана. Брюхо было покрыто толстым слоем грязи.

Батлер вернулся к нам и шепнул, что по его оценкам животное весило около тридцати тонн.

Цератозавр внезапно задвигал челюстями, пережевывая толстый ком какой-то вязкой пищи, и мы услышали звук, похожий на хруст мелких костей. Затем он резким движением поднялся на задние ноги, испустил рычание — неописуемый, гулкий, ужасающий звук — с неожиданным проворством развернулся и гигантскими прыжками, похожими на движения кенгуру, стал спускаться в ущелье.

24-го числа мы с Батлером, отдохнув два дня, отправились в Доусон-Сити, собираясь вытребовать у губернатора пятьдесят вооруженных людей и мулов.

На этом мой рассказ завершается. Весь город с месяц потешался над нами, а «Dawson Daily Nugget» опубликовал обо мне статью, в одно и то же время лестную и сатирическую, под заголовком «Подражатель Эдгара По».

Уиллис Кнапп Джонс

УЖАС ЮНГАС

— Страх? — переспросил исследователь, быстрой и нервной рукой отставляя в сторону стакан с шербетом. — О, думаю, я робел не меньше любого другого... но со временем страх отступает, я полагаю.

Некоторые из гостей, присутствовавшие на званом обеде, выказали не более чем вежливый интерес, но дебютантка Грейс Демминг, дочь хозяйки дома, глядела на виновника торжества с восторгом, как будто тот был сверхчеловеком.

— И вы никогда не боялись, мистер Винслоу? — спросила она чарующим контральто, не сводя с гостя широко расставленных серых глаз.

— Я никогда и близко не испытывал такого страха, как любят описывать в романах — знаете, когда ледяное дыхание ужаса пробирает героя до глубины души... хотя... однажды...

Миссис Мейсон, величественная пожилая вдова, сидевшая рядом с ним, быстро вмешалась, словно ожидая услышать пикантную сплетню.

— Что-то жуткое? — спросила она. — О, нам-то вы смело можете рассказать. Едва ли случай настолько неприличен, как те, о которых мы ежедневно читаем в газетах.

— В нем нет ничего скандального, — ответил путешественник. — Я не хотел создать у вас такое впечатление. Собственно говоря... сказать по правде, я пытался изгнать все это из памяти, но воспоминание возвращается снова и снова, а никакого объяснения я найти не могу.

Серые глаза мисс Демминг глядели на него с мольбой. Весь вечер он невольно чувствовал на себе ее неотрывный, испытующий взгляд.

Теперь ему почудилась в девушке странная отчужденность: она была точно отрезана от всего мира. Инстинкт исследователя побуждал его узнать ее ближе. Как-то он отправился в Афганистан лишь потому, что услышал рассказ о храме в Мангфу, где некий занавес скрывал таинственный предмет — из видевших его выжили только двое. Ему хотелось сорвать покров тайны.

— Боюсь, я вас разочарую, — снова заговорил Винслоу. — Что вызвало страх, я и сам не знаю, да и подробности из-

ложить не смогу: дело в том, что меня потрясло выражение ужаса в глазах другого человека, — он махнул рукой, будто отгоняя теснившиеся в сознании воспоминания. — История не самая приятная. Мне кажется, лучше будет о ней просто забыть.

Слова Винслоу лишь разожгли любопытство гостей. Все просили его продолжать — все, кроме мисс Демминг; но именно ее полуоткрытые губы и загадочные глаза заставили его нехотя приступить к рассказу.

— Это случилось в Боливии — Боливии, неисследованной стране, где может произойти что угодно. Я жил тогда в Ла-Пасе и изучал наследие инков. До меня стали доходить удивительные слухи о каком-то неведомом животном, которое якобы видели индейцы департамента Бени. Столичные ученые пытались убедить всех, что описание соответствовало диплодоку либо какому-нибудь похожему на него ископаемому животному.

Гости с недоумением переглянулись, и Винслоу понял, что большинство из них ровно ничего не знали о диплодоке.

— Диплодок, — поспешил объяснить он, — это огромное существо высотой от десяти до пятнадцати футов и длиной около сорока футов, жившее многие тысячелетия назад, в эпоху плейстоцена. Затем явились тираннозавры и покончили с ними. Вероятно, вы видели в музеях скелеты и изображения диплодоков — они походили на кенгуру с длинным, сужающимся к концу хвостом. Как бы то ни было, эти индейцы из джунглей уверяли, что видели существо, вымершее 25,000 лет назад или того раньше!

Признаюсь, я и не думал верить в подобную чушь и решил, что дикари окончательно спятили от жевания листьев коки. Но газеты с радостью печатали такие выдумки, как было с существом, позднее замеченным в Аргентине. Кончилось тем, что дома члены комитета прочитали эти сообщения и телеграфировали мне, велев их расследовать. Я не возражал. Я люблю Боливию. На свете нет более интересной для иностранца страны, теперь же мне представлялась возможность посетить отдаленные области Боливии, где я никогда не бывал.

Мне нужны были еще несколько понго — индейцев-носильщиков, способных поднять и нести на плечах даже толстый ствол дерева. В поисках их я натолкнулся на Маньона, точнее, он натолкнулся на меня. Никто не мог сказать о Маньоне ничего определенного. Он был молчалив и целыми днями ничего не делал, только грелся на солнце, посиживая на площади перед зданием Конгресса, а с наступлением холодных сумерек скрывался в своем пансионе. Поговаривали, что он не в своем уме. Он появился в Ла-Пасе несколько месяцев назад, причем никто не знал, откуда. В Боливии немало беглецов из других стран, и люди привыкли не задавать слишком много вопросов, но временами я начинал подозревать, что Маньон и сам мало что знал о себе. У него была масса неприятных привычек. В его череп, например, была вделана серебряная пластинка: впадая в задумчивость, он начинал постукивать по ней пальцами. Это напоминало мне стук ключа беспроводного телеграфного аппарата. Может, он пытался с помощью постукиваний привести свои мысли в порядок.

Маньон никогда не рассказывал, как и где обзавелся серебряной пластинкой — или хромотой. Как-то раз, во время путешествия, я заметил на его теле шрамы. Он объяснил, что с кем-то, кажется, повздорил и ему хорошенько намяли бока; словом, не объяснил ничего.

Но в целом он был человеком симпатичным и мог заменить моего секретаря, который слег с дизентерией. Я согласился дать ему работу. Маньон обладал каллиграфическим почерком, держал носильщиков в узде и оказался мне очень полезным.

В день отъезда из Ла-Паса он предстал передо мной в выцветшем и поношенном комбинезоне летчика с двойными крылышками на груди. Извинившись, он пояснил, что другой полевой одежды не нашел и не хотел беспокоить меня просьбой выдать ему аванс. Позже он проговорился, что служил в эскадрилье «Лафайет», но это была откровенная ложь. Я видел списки летчиков эскадрильи — там не было ни одного похожего имени.

Будь я суеверен или наделен пророческим даром, мы ни за что не тронулись бы в путь; к сожалению, человек не может знать, что его ждет впереди. Не стану описывать наше путешествие. Утомительные дни тянулись один за другим. Все краски палитры живописца бледнели перед великолепием джунглей, и все пытки инквизиции казались ничтожными в сравнении с нашими муками. Иногда мы часами брели по колено в траве, а сквозь завесу дождя приходилось в прямом смысле слова продираться силой. Когда дождь переставал, жгучее солнце в мгновение ока превращало джунгли в парную баню, и мы начинали задыхаться. Но несмотря на все испытания, Маньон напевал не переставая. Думаю, он знал только одну песню — но когда мы, измотанные до предела, с трудом тащились вперед, его пение помогало.

Он, очевидно, никогда прежде не бывал в джунглях. Все казалось ему чудесным. Помню, я шел, думая только о том, как заставить себя сделать еще два-три шага, а Маньон вдруг останавливался и начинал расспрашивать меня о какой-то незнакомой ему птице, сидевшей на ветке змеиного дерева.

В стрельбе из револьвера он не знал равных. Никогда не видел, чтобы кто-либо так быстро выхватывал револьвер и стрелял с такой точностью. Однажды, — Винслоу содрогнулся, — с ветки над тропой свесился боа-констриктор и молниеносным броском свернул шею одному из наших индейских носильщиков. Я шел следующим, но не успел я потянуться за револьвером, а эта похожая на таран голова отпрянуть, как Маньон всадил в змею три пули. Затем, как ни в чем не бывало, он перезарядил револьвер. Любопытства ради я сосчитал его пульс — он бился безмятежно, как у ребенка, руки ничуть не дрожали. Да, нервы у моего спутника были стальные. Вот почему случившееся так чудовищно...

Исследователь вновь замолчал, глотнул воды и чуть дрожащей рукой поставил стакан на стол. Затем он продолжал:

— Маньон, не моргнув глазом, пристрелил двадцативосьмифутового удава! Я привез шкуру, и вы можете увидеть ее в музее. Маньон хотел забрать и продырявленную голо-

ву — пули легли так кучно, что три отверстия под лобной костью можно было прикрыть четвертаком — но носильщиков у нас было маловато, и от этого плана пришлось отказаться.

Путешествие в края, где обитал — по заверениям проводников — загадочный зверь, оказалось долгим; местность лежала далеко в стороне от изведанных троп. До нас белые люди так далеко не заходили. Маньон, Дженкинс (ботаник и геолог) и я, единственные белые в отряде, вызывали удивление и страх у немногих встречавшихся индейцев. Когда мы разыскивали племя, чьи охотники видели животное, мои познания в языках аймара и кечуа не смогли ничем нам помочь; Дженкинс, считавший себя знатоком диалектов Бени, также был вынужден развести руками. Даже наш проводник с трудом объяснялся с ними, но все же выяснил, что совсем недавно индейцы снова видели доисторического зверя. Вскоре нас отвели на нужное место.

Если — заметьте, я говорю «если» — на земном шаре имеется уголок, где могли бы сохраниться до наших дней существа из миоцена и плейстоцена, то эта долина им и была. Площадью в двадцать или тридцать квадратных миль, она раскинулась в низине и кишела растительностью, покрывавшей землю, вероятно, во времена диплодоков — ибо диплодоки питались исключительно травой. Вы все знаете, как расположен Ла-Пас: во впадине, в тысяче футов ниже окружающей местности. Долина в этом смысле чем-то напоминала Ла-Пас, но из нее не было выхода, не вытекало ни одной реки, по склонам не вились тропы — кругом только высокие, обрывистые скалы. Попытка выбраться скорее всего стала бы для обитателей долины непосильной задачей, а человек или зверь, сорвавшийся с обрыва, был бы мертв раньше, чем помыслил о бегстве. Обходя долину поверху, мы проделали три четверти пути, прежде чем нашли место, где скалы были пониже и не такие крутые. Там мы стали лагерем.

По правде говоря, сперва мы собирались разбить лагерь в самой долине. Индейцы сплели из лиан трехсотфутовую лестницу. Но когда мы приказали им спускаться, начался

бунт. Не говорите мне, что языка жестов не существует. Мы не рассказывали носильщикам о цели нашего путешествия, они не владели языком этой местности, однако все до одного прекрасно знали, что под лесным пологом долины могут таиться какие-то жуткие звери.

Они боялись даже оставаться поблизости от долины. Я уверен, что если бы мы, трое белых, выполнили свой план и разбили лагерь внизу, они сбежали бы, бросив нас в джунглях на произвол судьбы. Маньон подал удачную мысль — двое из нас будут днем обследовать долину, а третий останется наверху с носильщиками.

Во время путешествия по джунглям Дженкинс хворал, а теперь его состояние внезапно ухудшилось. Трясаясь в лихорадке, он бессильно лежал в самом маленьком из шалашей. Нам с Маньоном пришлось самим разворачивать и укреплять лестницу.

Когда мы закончили работу, было почти темно. Мы так волновались, что просто не могли ждать рассвета и спустились в долину. Не знаю, что мы надеялись найти — может быть, отпечатки каких-то следов на влажной почве. Но наш краткий осмотр ничего не дал; вокруг совсем стемнело, и я предложил вернуться в лагерь.

Маньон, однако, не желал уходить. Он решил провести ночь в долине, надеясь что-то услышать. Дженкинс был болен, индейцы весь день нервничали и беспокоились, так что я никак не мог составить ему компанию. И все же мне не хотелось оставлять Маньона в одиночестве. А он стал подшучивать над моими страхами: дескать, у него два револьвера и он ничего и никого не боится. Наконец я сдался, заручившись его обещанием устроиться на ночь поблизости от лестницы и, если понадобится, отступить наверх.

Взбираясь по сплетенной из лиан лестнице, я оглянулся. Это мгновение запечатлелось у меня в памяти навсегда. Заросли на западном краю долины казались черными; нетрудно было представить себе таинственных зверей, прячущихся в лесной чаще. Я видел, как Маньон расчищал себе место для ночлега, и окрикнул товарища. Поднимаясь все выше, я слышал, как он напевал свою привычную песенку.

В ней звучало что-то тревожное; я никогда не слыхал ее от кого-либо другого. Если не ошибаюсь, она называлась «Красотка Элоиза», а пел ее Маньон на мотив...

Прозвучал возглас, похожий на крик раненой птицы. Грейс Демминг побледнела как смерть и наклонилась вперед, сжимая руками край стола. Ее стакан перевернулся, вода медленно растекалась по скатерти. Никто не шевелился.

— Джимми! — простонала она. — Значит, он не погиб во Франции!

Последовало мгновенное замешательство. Некоторые гости начали доказывать, что мисс Демминг ошибается — ведь Джимми никак не мог очутиться в Южной Америке. В шуме голосов мисс Бердсли шепнула исследователю, что мисс Демминг была обручена с убитым на войне авиатором. Могло ли случиться, что он выжил и ранение в голову сыграло дурную шутку с его памятью? Предположение казалось натянутым, но мисс Демминг была убеждена в своей правоте.

— Это был Джимми, — настаивала она. — Что-то в вашем рассказе заставило меня подумать, что это он. Потом вы упомянули каллиграфический почерк, а сейчас и единственную песенку, которую он любил напевать. Погодите!

Она выбежала из комнаты. Мать последовала за ней. Миг спустя мисс Демминг вернулась с фотографией молодого человека в пилотском комбинезоне. Сомнений не оставалось: Маньон и Джимми Кент были одним и тем же лицом. Путешественник сразу узнал на фотографии Маньона.

— Где он? — восклицала девушка. — Скажите мне, где он?

Винслоу с грустью посмотрел на нее.

— Мне жаль, мисс Демминг, — мягко проговорил он. — Он мертв.

Шепот гостей словно эхом повторил его слова. Девушка схватилась за горло, побелев, как кружева на воротнике ее платья. Серые глаза умоляли Винслоу продолжать.

— Да, это так... Маньон — то есть Кент — вернулся на следующее утро. Он был уверен, что нас кто-то мистифицировал, а животное существовало лишь в воспаленном воображении

местных индейцев. Мы направились обратно в Ла-Пас, однако Джимми успел подхватить где-то в низинах тяжелую форму малярии; быть может, это произошло в тот вечер, когда мы бродили по болотистой долине. Мы ухаживали за ним, как могли, но спасти его не удалось. Он умер в полном сознании, не испытывая боли. Жаль, что вы не можете увидеть то райское местечко, где мы похоронили его под высокой пальмой и на прощание усыпали могильный холмик цветами орхидей.

Со всех сторон зазвучали вопросы.

— Вы видели животное? — спрашивали гости.

Исследователь отрицательно покачал головой.

— Как можно увидеть животное, вымершее много тысячелетий назад?

— Я все-таки не понимаю смысла вашего рассказа, мистер Винслоу, — произнес лысый старик, сидевший рядом с мисс Демминг. — В чем заключался ужас, о котором вы упоминали?

— Разве я не сказал? Этот ужас... был написан на лицах индейцев. Когда мы сообщили им, что собираемся разбить лагерь в долине, их лица выразили такой суеверный страх, что и самый отважный человек задрожал бы. Правда, мне трудно их винить. Их пугала неизвестность... Я был рад оставить джунгли и индейцев позади и возвратиться к цивилизации. И все же я порой думаю, не испытывают ли цивилизованные люди такие же суеверные страхи?

Беседа перешла на другие предметы. Вскоре гости поднялись из-за стола и перешли на веранду, где подали кофе.

Путешественник устал, ему хотелось остаться одному. Он незаметно проскользнул в дом и замер у окна, глядя на отсвет фар автомобиля, поднимавшегося по горной дороге. В эту минуту он ощутил чье-то присутствие. Позади него стоял мистер Демминг.

— Кто-то, возможно, поверил вашему рассказу, кто-то нет. Но Кент был помолвлен с моей дочерью. Его самолет упал за линией немецких позиций. Точных доказательств его гибели не было. С тех пор Грейс сама не своя — все надеется, что когда-нибудь он вернется. Мне нужна правда, мистер Винслоу.

Исследователь утомленно кивнул.

— Это ваше право, — отрешенно сказал он. — Не стоило мне начинать рассказ. Я снова и снова пытаюсь стереть тот ужас из памяти, но раз за разом он возвращается, как случилось сегодня.

— Так в вашем рассказе все же было зерно истины? Прошу вас, ничего не скрывайте.

— Не стану, мистер Деминг. К сожалению, я рассказал правду — вплоть до той минуты, когда мы с мальчиком расстались. Обо всем остальном я не рассказывал ни единой душе. Порой, по ночам, мне так хотелось с кем-то поделиться...

Я говорил, что Маньон вернулся утром. На самом деле он не вернулся. Поднявшись в лагерь, я оставил для него сложенное одеяло и немного еды, развел костер и прилег в шалаше. Внезапно я услышал крик. Я узнал голос Джими. Было слишком темно, я ничем не мог помочь, не мог спуститься вниз... Я все звал его по имени, но мне отвечало только эхо — и вопли летучих мышей-кровососов. Всю ночь я дрожал и ждал, ждал, ждал... С первыми лучами солнца я взял ружье и спустился в долину. Сначала я ничего не увидел. Затем я заметил его следы: шаги были широкими, он петлял, оступался, словно в страхе от чего-то убегал. Причина этого страха оставалась для меня непонятна, пока я не увидел в грязи отпечаток гигантской лапы. В десяти футах поодаль я нашел еще один отпечаток, а между ними тянулся след тяжелого хвоста.

Дальше я увидел утоптанную площадку, окруженную густой кустистой растительностью. Следы были немим свидетельством трагедии. Безумная погоня, петляющий по лесу человек и громадное существо, топчущее кусты и деревья...

И наконец, под растоптанными кустами, я нашел мертвое тело Маньона. Его лицо! Смертельный испуг прочертил на нем страшные складки; остекленевшие глаза выражали ужас и отвращение. А на теле не было ни единой царапины или синяка — лишь зеленая слизь на руке, точно животное склонилось над ним, пуская слюну.

Я увидел это и все понял, и все вокруг завертелось. Я пришел в себя лишь на исходе дня. Маньон лежал там же, где и раньше, в мертвых глазах застыли видения ада. Я поспешно похоронил его, как уже говорил, у подножия пальмы и украсил холмик орхидеями.

Я вернулся в лагерь. Дженкинс трясся от лихорадки и возбуждения. Носильщики бросили нас, похитив большую часть провизии. Нам следовало уходить немедленно, если мы хотели спастись. Мои нервы были в ужасном состоянии, Дженкинс был почти беспомощен, но нам чудом удалось вернуться в Ла-Пас.

— И вы бросили тело Джимми там, чтобы его выкопало и съело это... животное?

Путешественник покачал головой.

— Нет... Вы упомянули о том, что заставляет меня поверить в невероятный факт. Маньон был хладнокровным, опытным стрелком, но умер от страха, окаменев при виде неизвестного чудовища. У зверя была в запасе вся ночь... Слизь на руке доказывала, что зверь обнюхал тело, но следов укусов на было. Известно ли вам какое-либо современное животное Южной Америки, которое отказалось бы от такого пиршества? Мне — нет. Зато я знаю, что диплодоки были травоядными. Они питались одной травой. Поэтому я думаю, что Маньон повстречался с тем самым животным, что описывали индейцы. Не знаю... Если я скажу, что верю в существование диплодока, меня сочтут сумасшедшим. Но когда-нибудь я вернусь в Боливию. В те ночи, когда я начинаю вспоминать Маньона, я не могу уснуть. Я должен вернуться и увидеть тот ужас, что высосал из него жизнь и оставил печать на его лице. И может быть... кто знает?

Франц Герман Шмидт

**ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ЧУДОВИЩА
АМАЗОНСКИХ ДЖУНЛЕЙ**

Слухи о неведомых гигантских животных, обитающих в недоступных внутренних областях Центральной Африки, Южной Америки и даже в индийских джунглях, ходили задолго до того, как ученые получили неопровержимые доказательства в виде окаменевших останков чудовищных рептилий. Эмиас Лейк, ранний исследователь громадной области Мату-Гросу в Аргентине и Боливии, добравшийся до верхних притоков Ориноко, пересказывает множество сообщений о громадных земноводных существах. Фон Гумбольдт также слышал о них.

Ученые склонны относиться к утверждениям, что те или иные выжившие виды древних динозавров могли сохраниться в гигантских тропических болотах к востоку от Анд, с некоторым доверием, поскольку условия влажности, температура и т. д. там сегодня почти такие же, какими были в доисторические эпохи.

Майор Джордж У. Фосетт, член Королевского географического общества, путешествовавший по южной части Амазонки с целью исследования обширной области Акри и картографирования границы по поручению бразильского правительства, описывает много открытых им видов рыб и животных; ему часто приходилось слышать рассказы о гигантских ящерах, которых индейцы видели к северу от указанных мест. Полковник Юлиус Д. Такер, покойный консул Соединенных Штатов на Мартинике, проник в область Какуэта дальше любого белого; верховные вожди Какуэты заверили его, что в южном направлении водятся ужасные земноводные рептилии.

Американский инженер, художник и писатель Чарльз Джонсон Пост, который несколько лет назад пересек континент в самой широкой его части, слышал такие же рассказы, видел ряд примечательных следов и твердо верит, что там существуют какие-то колоссальные животные. Пять лет назад Адриано Порталес, агент «Торговой компании Итапу», опубликовал в бразильской газете статью, где говорилось, что индейцы показывали ему найденную ими голову мертвого чудовища.

Нижеследующий отчет принадлежит не ученому; автор его, как сам говорит, просто рассказывает о виденном. Это наиболее точный и детальный рассказ из всех когда-либо опубликованных. Франц Герман Шмидт состоит на службе в «Гамбургско-Американской компании» с главной конторой в Манаосе. Его рассказ кажется невероятным, но приводимые им сведения через несколько лет вполне могут стать общеизвестным фактом.

Многие бразильские друзья упрашивали меня поведать публике о пережитом; но столь многие в Соединенных Штатах и Германии посмеивались над моим рассказом, что долгое время я не решался снова упоминать о случившемся. Всякому неприятно, когда его, пусть беззлобно, называют выдумщиком, даже если сам человек знает, что говорит правду, хоть и не может это доказать. Если боа-конструкторы толщиной с дерево и длиной более 100 футов встречаются относительно часто и существование их признается, не вижу причин, почему бы публике, никогда не бывавшей в наших краях, не поверить в то, что создания, которых я видел в тех же местах, действительно существуют.

Поэтому мне хотелось бы с самого начала заметить, что недоверчивые читатели могут сами отправиться на Амазонку и, вооружившись достаточным терпением, увидеть то, что видел я; если же их не привлекают тяготы путешествия, они могут найти достаточно доказательств, предоставленных им не только мной, но и другими. Стоит добавить, что университетских профессоров и прочих скептиков будет ждать немало сюрпризов, когда джунгли Амазонии, Айеро и Мату-Гросу станут более доступными.

Восьмого октября 1907 года капитан Рудольф Пфленг, известный мореплаватель и торговец, и я сам находились в Боготе (Колумбия), пытаясь заручиться рядом концессий в области Ориноко. В связи с беспокойной политической обстановкой переговоры не увенчались успехом; в указанный день мы решили немедленно отправиться во внутренние районы и по ту сторону водораздела спуститься по какой-либо реке до границы судоходства на одном из притоков Амазонки. По пути мы надеялись обнаружить богатые золотом речные берега, многообещающие скопления каучуковых деревьев либо неизвестные леса дикорастущего какао. В Колумбии мы старались держать наше присутствие и задуманную миссию в секрете; если бы мы выбрали прибрежный путь, о наших планах вскоре проведали бы все и каждый.

Мы вышли из Боготы в сопровождении отряда носильщиков-индейцев, пересекли горы в направлении Томеки и

оттуда двинулись на Сан-Мартино; местность становилась все более и более дикой. В Консепсьон-де-Арамо нам пришлось сменить носильщиков; к счастью, мы нашли двенадцать человек, которые раньше работали на сборе каучука и знали не одни только территории собственных племен. Небольшое знакомство с миром значительно расширяет кругозор примитивного индейца, как и донельзя цивилизованного белого человека.

О лучших спутниках в предстоящем нам трудном путешествии нельзя было и мечтать. Любой из них мог идти целый день с двухсотфунтовым грузом на плечах, поддерживаемым тряпкой или повязкой на голове; каждый умел расчищать дорогу мачете с искусством и неутомимостью, свойственным лишь индейцам тропических лесов.

Снаряжение отряда

На вторую неделю мы достигли лесов дикорастущего какао, по которым шли день за днем; плоды на десятки миллионов долларов бесполезно гнили вокруг. Мы решили тщательно распределить продукты и расходовать их экономно, пока не дойдем до реки Ариари; к взятой с собой провизии мы почти не прикасались, питаясь обезьянами, большими серыми ящерицами с нежным розовым мясом и всевозможными плодами и растениями, собранными индейцами. Из одного похожего на артишок растения, которое они называли «менна», получалась лучшая подделка под томатный суп-пюре, какую я когда-либо пробовал. Несколько раз оно служило нам главным обеденным блюдом. Добыча обезьян для нашего стола была, надо признаться, нелегким делом. У каждого из нас было по два ружья, в целом же мы располагали маузером 30.30, легкой магазинной винтовкой Марлина и двумя тяжелыми ремингтонами, годными для стрельбы по дичи, защиты лагеря и прочих нужд. Их-то мы и использовали на болотах, о чем я расскажу ниже.

Достигнув Ариари, мы разбили лагерь на высоком сухом утесе и задержались, чтобы выбрать подходящее дерево для изготовления долбленого каноэ, способного вместить четырнадцать человек и все припасы отряда.

Поиски золота принесли нам одни разочарования. Хотя в песке на дне протоков попадались редкие золотые крупинки, мы повсюду видели следы индейских золотоискателей, которые в минувшие века, несомненно, добыли здесь огромное количество золота. Думаю, что в те времена, когда индейцы приносили испанцам полные плетеные корзинки золотого песка в обмен на цветастые ткани, они успели извлечь большую часть самородков и песка в окрестностях.

Спускаясь по Ариари, мы встретили отряд охотников за каучуком и узнали, что железнодорожный проект Мадейра-Маморе, за которым стоят Персиваль Фаркхар и еще какой-то американский миллионер, продвигается весьма успешно; мы решили проникнуть в район, где пройдет железная дорога – там мы надеялись присмотреть подходящие концессии, а затем приступить к переговорам о них в Рио-де-Жанейро. Поэтому мы поднялись по Гуайяберо до пересечения с Убийей и затем направились на юг к Макайе, пересекая водораздел. Путь кажется кружным, но на деле он был самым быстрым и легким; мы следовали за зигзагами протоков, преодолевали перекаты или обходили их, когда приходилось двигаться вверх по реке.

Наземный переход от Гуайяберо был худшим в моей жизни, а я-то считал, что знаю все о местах, где деревья стоят так густо, что буквально каждое вырастает в другое; где гигантские лианы опутывают и душат тысячи древесных стволов; где можно идти часами, не ощущая под ногами твердую почву, за исключением балок или берегов каких-нибудь речушек. Почти постоянно приходилось орудовать мачете и справляться с компасом, чтобы не сбиться с пути, поскольку нас часто заставляли сворачивать с прямой дороги абсолютно непроходимые участки или топи, пересечь которые возможно было лишь по островкам густой болотной растительности.

Леса и змеи

Не раз иного выхода не оставалось; оступившись, человек проваливался сквозь зеленую массу в невидимую воду. Время от времени нам попадались участки, где верхний слой почвы оказывался по какой-то причине бесплоден и был не в состоянии питать кусты и травы. Однако здесь процветали большие деревья. Я вспоминаю один лес с деревьями, похожими на эвкалипты; мы шли по нему долгие часы, лавируя между стволами — деревья росли так густо, что между ними едва можно было протиснуться; шедший первым старательно выбирал такие места, где можно было пронести самый широкий из наших тюков. Под ногами в подобных лесах, куда никогда не проникает солнце, расстилается сплошная масса мха и грибов; нога при каждом шаге проваливается по колено.

Я много раздумывал об этих джунглях и понял, что они могут таить в своих дебрях что угодно, от затерянного города до горы отчеканенных из золота монет. Несколько лет назад один из моих друзей подписал контракт на заготовку твердой древесины и потерпел финансовый крах: на участке (далеко не таком густом, как те, что пришлось преодолевать нам) деревья росли настолько плотно, что в среднем ему понадобилось валить семь деревьев ради одного годящегося для продажи ствола.

Так продолжалось до самой реки Солимосэ и Табатинги, где путь сделался легче. Передвижение по воде позволило нам отдохнуть перед вторым броском в леса, который мы предприняли только из-за рассказов, услышанных нами в Табатинге. За нами простиралась зеленая пустыня: людей в ней не было, а многочисленные животные теснились на открытых местах.

Бывали часы, когда мы не слышали пения птиц или шелеста их крыльев, не видели ни единой змеи, скользящей в укрытие. Окрестности водопадов или речные откосы, тем не менее, изобиловали животными и птицами. В одном из таких уголков мы столкнулись с самой крупной из виденных

нами змей. День выдался чрезвычайно жарким; когда солнце уже клонилось к западу, мы вышли к красивому водопаду шириной около десяти футов; вода низвергалась в расположенный примерно пятьюдесятью футами ниже бассейн, откуда вытекала ручьем, через который мог бы свободно перепрыгнуть сильный взрослый человек.

Там, где ручей вытекал из озерца, лежал упавший коричневый ствол большого дерева, образуя природный мостик. Один из индейцев как раз хотел пересечь его и собрать на другой стороне сухие ветки для костра, как вдруг издал испуганный крик и бегом возвратился обратно. Я увидел, что Пфленг поднял ружье, и последовал его примеру. Индеец повел нас за собой и объяснил свою ошибку. Древесный ствол оказался громадным спящим боа-констриктором. Ужасное существо поймало у озерца какое-то животное, проглотило его — о чем свидетельствовало вздутие приблизительно на трети длины туловища — впало в сонливость и осталось лежать на солнце, протянувшись через ручей.

Сперва мы решили, что змея мертва, но, подойдя поближе, заметили, что ее бока вздымаются не то от дыхания, не то от переваривания пищи. Я хотел было всадить пулю в видимые части тела, но Пфленг отговорил меня. Змея нам была ни к чему, а будучи ранена, начнет биться и убьет кого-нибудь из нас, если мы вовремя не заберемся на деревья или убежим. Ее практически невозможно убить сразу, говорил он — так зачем же причинять себе неудобства ради забавы, результатом которой станут лишь несколько дырочек в теле ее змеиного величества?

По крайней мере, нам представилась возможность внимательно рассмотреть змею. Она пролежала там с полчаса, а затем, когда на нее надвинулась тень, медленно поползла вперед и через десять минут исчезла в джунглях. Я сравнил на глаз толщину ее тела с лежавшим рядом камнем; размеры в точности совпадали. Камень имел двадцать два дюйма в ширину, однако тело змеи было посередине еще шире. Змея оставила на земле отпечаток чешуйчатого хвоста, когда начала ползти; расстояние от места, где лежала голова, до этого следа составляло сорок четыре фута; учитывая два

или три витка тела, мы оценили ее полную длину в шестьдесят пять или семьдесят футов.

Покинуть более легкий речной путь и вновь углубиться в леса нас заставили рассказы индейцев. Здесь проживают племена кокама, ипурина и манотери; все они жмутся к берегам рек и похожи друг на друга, как две капли воды, так что я не видел необходимости учитывать какие-либо племенные различия. Индейцы уверяли, что прямая дорога на юг приведет нас к прекрасным лесам какао и каучуковых деревьев, но предупредили, что в болотах водятся огромные животные, в сравнении с которыми боа-констриктор покажется игрушкой.

Не менее двадцати из встреченных нами индейцев в различное время видели это колоссальное животное или животных. Мы с Пфленгом подробно расспрашивали глухых дикарей и к своему удивлению нашли, что описания размеров и мест обитания существ значительно расходились между собой, хотя все индейцы одинаково описывали их внешность и повадки. Они указывали места, отстоящие друг от друга, должно быть, миль на двести, но в целом лежащие в южном направлении.

Царство буйной растительности

В этом месте моего повествования я должен сказать, что не разбираюсь в естественных науках и не знаю имен этих животных; не думаю, что знал их и Пфленг, делавший вид, что понимает, о чем идет речь. Мы просто решили, что попробуем рассмотреть и подстрелить одно из животных, если оно нам встретится; возможно, это какой-то новый вид гигантского аллигатора или какая-то громадная разновидность водяной змеи. Так или иначе, цель охоты представлялась достойной. Мы наняли на берегу трех проводников, и они оставались с нами на протяжении шестнадцатидневного путешествия – почти такого же трудного, как то, какое я только что описал.

На двенадцатый день мы спустились в долину; в центре ее находилось пространство шириной примерно в три и длиной в девять или десять миль, где поблескивали участки открытой водной поверхности шириной ярдов в сто или более. Это было мелководное озеро, буквально задушенное растительностью. В верховьях озера приток воды усиливался благодаря нескольким бурным горячим источникам, издававшим тошнотворный запах; на вкус вода была еще хуже. Даже в этом царстве буйной растительности мне никогда не приходилось видеть такие невероятные заросли, как в верховьях озера; мне кажется, что к этому каким-то образом причастна вода из источников.

В остальном долина походила на многие другие, попадавшиеся нам по пути, и мы обошли бы болото, если бы Пфленг, осматривая его в бинокль, не заметил на берегу два или три громадных участка с примятой растительностью, похожих на то, о чем рассказывали нам индейцы. По суше мы добраться к ним не могли — только по воде.

Мы срубили дерево, изготовили грубую долбленую лодку, вырезали весла и на второй день спустили наше судно на воду на открытом участке в верховьях озера. Нам сразу же бросилось в глаза, что нигде не было видно ни единого аллигатора или игуаны, не попадались и какие-либо крупные водяные змеи. Все это само по себе было странным. Болото кишело плавучими островками: вокруг упавших в воду подгнивших стволов или больших ветвей постепенно начинали скапливаться водные растения и создавали подобный островок, на котором могли расти даже небольшие деревья.

Мы огибали эти островки или пробирались между ними; часто приходилось прорубать дорогу в спутанной массе водных растений, и тогда один из индейцев, устроившись на носу лодки, начинал размеренно взмахивать мачете, а мы медленно гребли веслами. Наконец мы очутились на открытой воде; отсюда к берегу вел канал, куда мы и направили лодку.

Невозможно было сомневаться, что канал проделало какое-то гигантское животное, протаскившее свое тело по

болотной растительности и грязи к сухому месту на берегу, где виднелось на солнце огромное округлое углубление. Вода захлестнула растения вокруг на два фута выше обычного, высокие и толстые стволы на берегу были сломаны и втопты в грязь, принесенный на себе колоссальным телом ил засыхал на растоптанных растениях.

Подобные следы мог бы оставить очень большой слон или гишпопотам. В воду животное вернулось приблизительно в ста футах восточнее; небольшая прибрежная полоса, включая росшие на ней невысокие деревья, была вся истоптана — очевидно, вес животного составлял много тонн. Зверь, оставивший такие следы в минуты мирного отдыха, был во гневе, надо думать, совершенно ужасен.

Индейцев в лодке охватывал все более сильный страх, да и я, должен признаться, при виде следов стал глядеть на воду и прислушиваться к доносящимся с берега и островков звукам с возросшей тревогой.

Покинув это место, мы медленно двинулись дальше и вскоре нашли островок, явно служивший любимым пляжем огромных зверей; вся растительность на нем была раздавлена и измазана донным илом. Мы долго пробирались по заболоченному рукаву шириной около полумили и только на исходе дня оказались у противоположного берега; там мы обнаружили еще три лежбища неизвестных земноводных животных — одно большое и два примерно в половину меньше.

Было понятно, что в озере обитает несколько существ. Здесь мы заметили еще кое-что, чего не видели раньше: листья пальм, нежные зеленые побеги и широкие участки зарослей тростника были объедены. Мне доводилось видеть места, где паслись стада слонов, и все это выглядело очень похоже. На одном из деревьев, на высоте четырнадцати футов над землей, темнело пятно ила.

Встреча с пуленепробиваемым чудовищем

Мы заторопились назад той же дорогой, однако дважды останавливались — и мне, и Пфленгу отчетливо слышались тяжелые всплески за островками на востоке. Индейцы настаивали, что нам следует немедленно уходить, а вечером сбились в кучку; нетрудно было понять, что они обсуждали, стоит ли оставаться в таком опасном месте. Они были страшно испуганы. В ту ночь мы впервые выставили часовых; мы с Пфленгом, каждый в паре с одним из индейцев, дежурили по очереди. Думаю, индейцы сбежали бы, если бы мы оба заснули.

После завтрака мы снова тронулись в путь в нашей лодке, взяв с собой крупнокалиберные ремингтоны и хороший запас патронов. Двигаясь вдоль южного берега, мы осматривали участки, наиболее подверженные влиянию горячих источников; почва на берегах становилась все более твердой, и к полудню мы начали находить новые лежбища. Потом мы обнаружили большую вмятину; животное в этом месте выбралось на берег и возвратилось в воду — а может, все еще находилось на берегу. Мы осторожно подобрались поближе и я ощутил дрожь волнения: грязь на стеблях тростника и водных растениях была еще влажной. Мы настигли добычу.

Со всей осторожностью, бесшумно действуя веслами, мы приблизились к берегу. Покинуть лодку означало бы погрузиться по пояс в жидкую грязь; но с лодки мы не видели ничего, кроме зеленых зарослей. Мы шепотом посоветовались и Пфленг заявил, что намерен пойти по следам на берег, даже если это будет стоить ему жизни. Неожиданно показалась стая обезьян, собиравших иссиня-черные ягоды с ветвей росших на болоте деревьев. Только мы их разглядели, как они внезапно разразились громкими криками. Между ними поднялось что-то большое и темное, полускрытое ветвями, и суматоха достигла предела.

Один из индейцев в страхе начал быстро грести, и не успели мы его остановить, как оказались в сотне футов от берега. Теперь мы ничего не видели, а индейцы решительно

отказывались вновь приближаться к берегу. Мы с Пфленгом не отваживались опустить ружья и взяться за весла. Зеленая стена заволновалась, послышались звуки, похожие на шлепанье громадных лопастей; они смешивались с воплями обезьян, мчавшихся в разные стороны. Несколько раненых или запутавшихся в ветвях обезьян пронзительно верещали поблизости, затем их крики утихли. Минут на десять повисла полнейшая тишина — а затем мы увидели, что к озеру движется жуткое чудовище, которое я опишу ниже.

Голова его возвышалась над кустами в десяти футах от земли. Она была величиной с бочонок из-под пива и по форме напоминала голову тапира с приспособленным для рытья или хватания хоботом. Маленькие тусклые глазки походили на глаза аллигатора. Животное было покрыто полузасохшим илом, но мы все же сумели разглядеть змееподобную, хотя и довольно толстую чешуйчатую шею; чешуя была грубой, как на боках аллигатора, однако не такой толстой, как на спине последнего.

Животное, по всей видимости, не сочло нас достойными внимания или не заметило и продолжало приближаться, пока не очутилось не более чем в ста пятидесяти футах от нас. Мы видели часть тела шириной около восьми или девяти футов в плечах, если только можно употребить это слово ввиду того, что вместо передних ног у зверя были большие, украшенные длинными когтями лапы. Как и шея, они были защищены чешуей. Индейцы совершенно одеревенели и даже не пытались отогнать лодку подальше.

Я предпочел бы немного подождать, но Пфленг вскинул ружье и прицелился в голову животного. Я уверен, что пуля попала между глаз и отрикошетила от какой-то костяной либо роговой, во всяком случае, очень прочной поверхности — я видел, как с дерева над головой зверя посыпались сбитые ею листья. Я выстрелил, целясь в основание шеи, и одновременно еще раз выстрелил Пфленг.

До сих пор животное стояло неподвижно. Оно опустило голову к тому месту, куда угодила моя пуля и, кажется, лизнуло его, но не было ни крови, ни каких-либо других признаков серьезной раны. Со всей возможной быстротой мы

послали в животное еще семь пуль и все они, думаю, попали в цель. Похоже было, что наши выстрелы лишь обеспокоили существо, не причинив ему никаких ранений. Индейцы пришли в себя и чуть не перевернули лодку, гребя прочь, и мы с Пфленгом пропустили момент, когда животное нырнуло в воду. Я очень хотел разглядеть, есть ли у него задние ноги и какие они, но успел заметить только кончик тяжелого тупого хвоста, усеянного грубыми ороговевшими наростами. Голова еще виднелась, но туловище скрыли брызги воды. Оно промелькнуло лишь на миг; судя по этому беглому впечатлению, длина существа составляла тридцать пять футов, из которых не менее двенадцати приходились на голову и шею.

Бегство

Через три секунды видны были только расходящиеся по заболоченной воде круги, качающаяся стена растений и обезьяна с бессильно повисшими задними ногами, которая пыталась забраться на верхушку дерева. Пока индейцы отчаянно гребли, я решил избавить бедняжку от мучений и всадил в нее пулю. Мы успели отплыть всего ярдов на сто, когда Пфленг окрикнул меня и указал направо.

Из воды на расстоянии одной восьмой мили от нас показалась голова чудовища. Вероятно, оно нырнуло и проплыло под лодкой. Чудовище высунуло шею, несколько секунд оглядывалось по сторонам и затем направилось к нам. Зная, что пули не смогут его остановить, мы заработали веслами. За одним из островков мы потеряли существо из виду и были весьма этим довольны.

Было очевидно, что наши ремингтоны, способные уложить на месте разъяренного слона или льва, не могли защитить нас от подобных животных. Следы заставляли предположить, что в озере водятся и особи покрупнее; следовательно, самым удачным решением представлялось как можно скорее покинуть озеро и вернуться с пулеметом или другим

подходящим оружием. Кроме того, индейцев невозможно было заставить снова сесть в лодку даже под угрозой расстрела.

Вернувшись в Мадейру, мы повстречали группу белых, занятых на строительстве железной дороги. Почти все они оказались молодыми инженерами, канадцами и новичками в джунглях. Они вежливо выслушали рассказ о наших приключениях, но вскоре мы узнали, что некоторые из них записали нас в лжецы, другие решили, что мы выжили из ума от болотной лихорадки или по какой-то причине пытались их надуть.

Таков был мой первый малоприятный опыт. Расставаясь с Пфленгом в Паре, мы договорились, что забудем о случившемся и больше никому не станем об этом рассказывать. Пфленг умер от лихорадки в Розарио 4 марта 1909 года. Как я обещал в самом начале, я изложил все, как было – читатели же вольны сами решать, что им думать по этому поводу.

Должен добавить, что меня попросили указать район, где мы встретили чудовище, и я попытался это сделать со всей доступной мне точностью. Местность находится в четырех градусах тридцати минутах южной широты и семидесяти градусах пяти минутах западной долготы; добраться до нее будет легче всего, если плыть вверх по течению реки Солимоэс.

Ричард Дехан

ВЕЛИКИЙ ЗВЕРЬ КАФУЭ

Дело было на нашей ферме, на границе с юго-восточной Родезией и в семидесяти милях от концессии Тули, спустя года три после войны.

Бушевала сентябрьская гроза; широкие зеленые листья табака волновались, как волны океана, который я дважды пересек, вначале уехав в дождливую и печальную Ирландию, страну моей покойной матери, а после вернувшись на землю отца, деда и прадеда.

Акации, молочай и верблюжьи деревья, росшие по берегам протоков и оросительных каналов, весь день заламывали свои ветви-руки, как женщины макалака на туземных похоронах. Наступила ночь: деревянные ставни были закрыты, окна с частым переплетом заперты на защелки, и тем не менее они продолжали дрожать и сотрясаться, словно какие-то злоумышленники пытались проникнуть в дом извне. С больших потолочных балок и поперечных стропил кухни хлопьями осыпалась штукатурка, ложась белыми горстками пыли на крепкий стол из коричневой древесины паркии, где лежала раскрытая голландская Библия отца. В черных волосах его склоненной над Писанием массивной головы также виднелись серебристо-белые нити и прожилки, вот только их, в отличие от известки, невозможно было стряхнуть рукой.

Он пал в начале войны, этот белый снег скорби, окрасивший тяжелые завитки грубых черных волос. Моя молодая красавица-мать, ирландка с севера, была убита в женском лагере Гельдерсдорпа во время осады. Отец мой служил тогда в государственной артиллерии — и теперь вы понимаете, отчего ужасные сомнения согнули его могучие плечи и осыпали черные волосы пеплом горя.

Вообразите и меня, в курточке и коротких домотканых штанишках: я сижу на скамеечке в тени стола и гляжу на мрачную сильную фигуру в кресле с плетеным сиденьем.

Отец и не думал ложиться спать в ту ночь. Вода уже захлестывала дамбу, и новые потоки, мчащиеся по промоинам с холмов, могли вот-вот снести высокую стену из скрепленных глиной обтесанных валунов или затопить дамбу и уничтожить труд многих лет. Крышу, разрушенную снаря-

дом британской пушки, давно починили, но мастера пошли не те, что когда-то. Отец лишь качал головой, поглядывая на новую кладку, а штукатурка продолжала осыпаться, будто подтверждая его грустные выводы.

Я упросил отца позволить мне остаться — не хотелось лежать одному на огромной кровати в его комнате. Я клевал носом, борясь со сном, и американским перочинным ножиком с двумя лезвиями вырезал из куска дерева маленькое каноэ, которое собирался завтра же отправить в плавание по лужам. Отделявая нос каноэ, я вспомнил рассказ, услышанный предыдущим вечером.

Его поведал нам состоятельный приезжий, управляющий угольной шахтой, направлявшийся в Булавайо. Он провел ночь под нашим кровом, а утром уехал в Тули. Я восполнил пропущенное им, с запинками прочитав английскую газету трехнедельной давности, забытую гостем.

Я строгал, и вспоминал, и крошечное каноэ вдруг выросло и раздалось у меня в руках. Я нес его на спине через лес тростника и высоких трав, раздвигая стебли толщиной в руку, и соленый пот стекал мне в глаза... Потом я очутился в каноэ и, гребя единственным веслом, пересекал в своем хрупком капризном суденышке стоячие заводи черной воды, поросшие широкими колючими листьями болотных кувшинок с чудесно окрашенными цветами посередине. К носу каноэ было прислонено дедовское ружье-слонобой, инкрустированное оружие с дулом из потускневшей стали, ромбовидным ложем и блестящим затвором, которое моим детским глазам представлялось самым желанным и великолепным из всего, чем только мог обладать взрослый.

Из зарослей тростника с шумом взлетела большая птица, но разве станет охотник бить птицу из слонобоя? В черных заводях плавали утки. За двадцатифутовой стеной тростника и травы послышался плеск: из воды выпрыгнула и плюхнулась обратно большая рыба. Я поднял глаза. С неизмеримых высот чистейшего ужаса на меня глядела Тварь из рассказа и газеты.

Я выронил маленькое каноэ и вцепился в ногу отца.

— Что с тобой, *mijn jongen*?

Он тоже будто пробудился от сна наяву. Представьте, как его широко раскрытые, словно выгоревшие серые глаза печально выглянули из темных провалов под косматыми бровями, утратили глубокую задумчивость и остановились на моем детском лице...

— Тебе привиделся великий зверь долины Кафуэ, и ты хочешь спросить меня, дам ли я тебе отцовское ружье, когда ты подрастешь, чтобы ты смог выследить и убить зверя. Верно я говорю?

Отец охватил огромной коричневой мозолистой рукой свою длинную черную бороду, превратив ее, по обыкновению, в косичку. Он перевел взгляд с моего пухлощекоего лица на старомодное ружье восьмого калибра с патронами на дымном порохе, висевшее на стене на леопардовой накидке, и что-то похожее на улыбку тронуло его скорбно сжатые губы под кустистыми черно-седыми усами.

— Ружье ты получишь, малыш, когда подрастешь, а может, 450-й манлихер или 600-й маузер, лучшее, что продают к северу от Трансвааля, с патронами на кордите и разрывными или коническими пулями. Но прежде, чем я потрачу деньги на такое ружье, ты должен пообещать мне, что никогда не станешь убивать того зверя. Дай мне слово!

Мысль о торжественном соглашении, что запретит мне охотиться на полумифического дракона из болот Верхней Родезии, даже моему затуманенному детским тщеславию сознанию показалась фантастической, если не абсурдной. Однако отцовские глаза не смеялись, они приказывали, и я выпалил обещание:

— *Nooit, nooit* — я не буду убивать зверя! Пусть он лучше убьет меня!

— Ты сын своей матери и не нарушишь клятву! Иначе ты, плоть от плоти моей, сделаешь своего отца клятвопреступником!

Сильный голос отразился от потолочных балок, соперничая с ревом рвавшегося в дом ветра, и затих на овечьей шкуре у огня, сложив крылья и переводя дыхание.

— Почему... почему ты дал клятву, отец?

Я в страхе умолк, глядя на массивную бородатую фигуру в домотканой куртке, грубых вельветовых штанах и *veldschoens*, и вновь подумал, что он похож на заросшего волосом Исава, Исава с истерзанным лицом Саула.

Отец сурово произнес:

— Спроси я о таком своего отца, будучи вдвое старше тебя, он спустил бы мне ремнем всю кожу со спины, и поделом. Но я не могу поднять руку на сына твоей матери, пускай даже Господь накажет меня за слабость... В тебе живет дух охотника, как и во мне. То, что видел я, однажды можешь увидеть и ты. И зверя, которого я мог убить, ты пощадишь во имя отца и его клятвы... Почему я дал эту клятву, спрашиваешь ты? Но как сумеет дитя это понять? Что ты сказал? Видел ли я, на самом деле видел ли я зверя? О да, Богом клянусь! — задумчиво сказал отец. — Я его видел. И единожды увидевший великого зверя больше никогда его не забудет. Что ты хотел спросить?

Путаясь в словах, запинаясь, я поспешно сказал:

— Но... но ведь английский путешественник говорил, что зверя, кроме охотника-машона, видел лишь один белый человек. И в газете так написано.

— *Natuurlijk*. И этим белым человеком был я, — прогреготал низкий голос.

Я помедлил.

— Отец, с тех пор, как посадили табак, ты не уходил с фермы. А газете всего три недели...

— *Dat spreekt*, но случилась эта история много раньше, *mijn jongen*. В третий раз поминают ее в «*Buluwayo Courant*», приправляя ложью, дабы изменить вкус — так поступают с мясом любители потешить желудок. Но я и есть человек, видевший великого зверя Кафуэ, и рассказывают они мою историю!

Я почувствовал, как загорелось мое лицо. Немало чудесного знал я за отцом, но эта повесть обещала стать самой чудесной из всех.

— Я охотился тогда на Замбези, — начал отец, — и было это спустя три месяца после того, как *Commandaants* армии объединенных республик встретились в Клерксдорпе для

обсуждения условий мирного договора...

— С английскими генералами, — вставил я.

— С англичанами, как я и сказал. Тебя отослали к твоей — к ее родне в Ирландии. Не думал я тогда, что стану отстраивать ферму — ибо пали не только камни дома, и не одни лишь тысячи акров земли пришли в запустение...

Куда направлялся я? *Ik wiet niet*. Я бродил *op en neer*, как злобный дух в Писании, — большая жилистая рука хлопнула книгу, протянулась к чадающему в плошке с жиром кривому фитилю и со злостью швырнула его почерневший кончик на докрасна раскаленные угли. — Я искал покоя и не находил, и не знали отдохновения стопы моих ног и душа в моем теле. И поныне я ощущаю во рту горечь, как если бы проглотил отравленный корень болотной лилии. Я не чувствую вкуса пищи, а ночью, когда я ложусь в постель, что-то ложится со мной, и вместе со мной встает, и весь день пребывает рядом.

Я схватился за ножку стола, не осмеливаясь обнять ногу отца: его глаза меня больше не видели, на бороде, спускавшейся на широкую грудь темным водопадом с пятнами белизны, дрожал клочок пены. Он продолжал, и я едва отваживался дышать...

— Да разве не ведомо мне, что это я убил ее? Что в тот проклятый день, как с первого дня осады, я был на посту? И разве не осколок снаряда, выпущенного из пушки Максима-Норденфельдта с восточной позиции, повинен...

На лбу отца выступили большие капли пота. Его огромное тело дрожало. Сжатая в кулак рука на столе также дрожала, сотрясая стол, и ножки стола, и меня, цеплявшегося с неистово бьющимся сердцем за одну из ножек — и что-то холодное заползало под мои кудри.

— Сперва, припоминаю, со мной охотился один человек. С ним было много слуг-кафров, четверо охотников-машона, а еще фургоны, запряженные крепкими бесхвостыми волами, отличные ружья и дорогие палатки, множество припасов и таблетки лекарств в пузырьках с серебряными крышками. Но он захворал, несмотря на весь свой хинин, и бесхвостые волы заболели и пали, как любые звери с хвос-

тами; а кроме того, он боялся маквакв и машенгва с их тонкими отравленными дротиками из тростника. Кончилось тем, что он повернул назад. Я продолжал путь.

Наступило молчание. Странные, серо-стальные, выгоревшие глаза глядели вдаль, сквозь меня, а после низкий дрожащий голос повторил, сменяя прошлое время на настоящее:

— Я продолжаю путь на запад. Жизнь моя никому не нужна. Мальчик... но он с ее родней. Увижу ли я его когда-нибудь снова под своей крышей, прочту ли свой приговор на его лице, когда он узнает, что это я убил его мать? Нет, нет, лучше не останавливаться!

Молчание было таким долгим, что я зашевелился. И тогда отец взглянул на меня, как смотрят не на ребенка, но на мужчину.

— Я продолжал путь, пересекая притоки на плотике из надутых козлиных шкур и высушенных тыкв. Я держал отцовское ружье и патроны сухими, поднимая их в воде высоко над головой. Еда! Ею служили колючие оранжевые огурцы с зеленой мякотью. Изредка туземки в краях делились со мной козьим молоком и лепешками из маиса. Я охотился и убивал носорогов, и слонов, и гиппопотамов, и львов. Но потом вожди машенгва сказали, что этот зверь — их божество, и убийство его навлечет на племя моровую язву, и я перестал убивать львов. Однажды я подстрелил самку бегемота с детенышем, и она стала кормить своего уродливого малыша, в то время как вместе с кровью из нее по капле вытекала жизнь... Больше я не убивал. Я мог довольствоваться малым: огурцами с зеленой мякотью, земляными орехами и тому подобным.

Он с шелестящим звуком смял в кулаке свою длинную бороду.

— Так я очутился в долине Верхней Кафуэ с ее огромными, поросшими травой топиями. Тогда еще не было железной дороги, что бежит из Булавайо, извиваясь, точно стальная змея, к тамошним серебряным копям.

Шестидневный переход от копей — шел я всегда пешком, так и знай! — шесть дней от копей до слияния реки

Луэнгве с Кафуэ, где чуть повыше расстилается, по словам баданга, «большая вода».

Это озеро, правильное будет сказать, два озера — они не круглые, а чуть вытянутые, как деревянные ложки; берега из черной, твердой как камень засохшей глины и ила, и такой же перешеек между озерами, так что вместе они похожи на цифру 8.

Большим волосатым пальцем правой руки отец начертил цифру на слое усыпавшей стол известки.

— Вот каковы эти озера, и баданга говорят, что дна у них нет, а выловленная в них рыба остается живой и свежей даже на горячих углях кухонной печи. Народ они ленивый и грязный, питаются змеями, жабами, личинками жуков и рыбой. Они накормили меня и рассказали, частью словами родного моего языка, которые где-то выучили, частью жестами, что в двойном озере, населенном духами их предков, обитает Великий Зверь.

Мое сердце комком поднялось к горлу, кровь билась толчками, по спине бегали мурашки. Я ждал продолжения.

— Даже при смерти в человеке пробудится охотничий дух, услышь он о звере, какого не одолел ни единый живущий на земле охотник. Баданга рассказывали мне о нем — сказки, истории, легенды! Заостренными палками они рисовали зверя на широких зеленых листьях или в золе своих очагов. Я видывал немало больших зверей, но, *voor den donder!* не такого!

Я сжал скамеечку обеими руками.

— Я попросил баданга отвести меня к логову зверя, обещав отдать им все деньги, что были при мне. Они боялись оскорбить духов своих предков, от золота отказались, но ради старых карманных серебряных часов готовы были рискнуть. Старик, нарисовавший существо, меня отведет. Сейчас январь, и в это время года зверь поднимается из глубин и ревет, ревет, как двадцать буйволов весенней порой, призывая подругу восстать из бездонных вод к воздуху и солнцу!

Там было два зверя! Ни путешественник, ни газета, ни отец прежде не обмолвились об этом ни словом.

— Телица намного меньше, и у нее нет рогов. Это разъяснил мне старик, изобразив ее на ровном слое глины острием гарпуна. В последний раз, когда старик ее видел, она была очень больна. Ее большие, как луны, глаза потускнели, из пасти стекала зловонная пена. Она бессильно покачивалась на волнах, что вздымал ее бык, и ее длинная чешуйчатая шея лежала на маслянистой черной воде, как мертвый питон. Старик считал, что уже тогда она была при смерти. Я спросил, как давно это было. Двадцать раз цвели голубые водяные лилии, лилии со сладкими семенами, из которых баданга пекут хлеб, вот как давно это было. Дважды слышали, как ревел зверь, но никто его с того времени не видел.

Отец сложил на груди громадные руки, прижав к домотканой рубахе черно-белый водопад бороды, и продолжал:

— Двадцать лет! Быть может, думаю я, старик мне солгал! Последний день пути близится к концу. Старик жестами показывает, что мы приближаемся к озерам. Я забираюсь на высокую мафуру, цепляясь за дикую смоковницу, которая сплелась с нею в смертельном объятии.

Отец сплюнул на раскаленные угли.

— Не далее чем в миле я вижу двойные озера, окруженные поросшими высокой травой топиями. Черные блестящие воды пригрели на груди новую январскую луну, и голубую звезду под ее серпом, и на воде нет ни ряби, ни следа зверя, большого или маленького... И я презираю себя, сына честных буров, обманутого лживыми словами черномазой обезьяны. Я спускаюсь вниз, и вдруг в ночи слышится долгий, гулкий, громоподобный, ревуший рык, не похожий на голос любого известного мне зверя. Трижды звучит он, и старик-баданга, сидя на корточках меж корнями мафуры, кивает своей лысой морщинистой головой, шурится на меня и спрашивает: «А теперь, *baas*, когда ты слышал — вернешься или пойдешь туда?»

«*Al recht uit!*» — отвечаю я. Во мне пробуждается охотничий дух. В ту ночь я перед сном прилежно чищу и заряжаю отцовское ружье.

Я хотел что-то спросить, но слова застряли у меня в горле.

— На рассвете мы подошли к озерам, — продолжал отец. — Высокие травы и тростники далеко уходят в воду, а затем черный каменный берег обрывается в неведомые бездны.

Тот, кто писал в газету там, в Булавайо, говорит, что озеро было когда-то вулканом, а крошащийся черный камень — это лава. Может быть. Но вулканы — это дыры на вершинах гор, а озеро лежит в долине, и тот, кто писал в газету, там никогда не бывал, иначе знал бы, что озер два, а не одно.

На следующую ночь мы расположились лагерем на каменном поясе, что разделяет два озера, но ничего не услышали. Мы поужинали поджаренными зернами и личинками — у старика был с собой маленький мешочек. Огня мы не зажигали: духи мертвых баданга любят греться у костра. Они отравили бы нас своим ядовитым дыханием. Так сказал старик, и я подчинился. Моей мертвой не нужен был костер — она пребывала со мной всегда...

Весь день и всю ночь мы ничего не слышали и не видели. Но наутро, когда царило полное безветрие, по верхнему озеру, имевшему в ширину около полутора миль, прошла высокая волна; тростник на берегу был до половины залит водой, словно мимо проплыл пароход, на спокойной воде появились маслянистые пятна накипи, каждое с амбарную дверь, а в воздухе повис странный холодный запах, но больше ничего...

Ничего — до заката следующего дня. Я стоял посередине каменного пояса, между двумя озерами, повернувшись спиной к кроваво-красным чудесам неба на западе и, закрывая глаза рукой, смотрел туда, где что-то накануне разделило воды, как пахарь разваливает землю плугом. Я почувствовал, как зади на меня упала тень, обернулся... и увидел... *Almachtig!*

Я затаил дыхание. Наконец-то, наконец-то!

— Я не трус, — произнес отец своим низким гулким басом, — но то, что я увидел, было ужасным. Старик-баданга ринулся прочь, как антилопа. Я слышал, как он ломился сквозь сухой тростник. Рогатая голова зверя была размером

с фургон; она подрагивала на змеиной шее, и шея та была выше всех растущих на топях мафур, а глаза словно высматривали крошечное человеческое существо, пытавшееся спастись бегством.

Voor den donder! О, как взлетают столбы водяной пыли, когда великий зверь бьет по волнам крокодильим хвостом! И голова его похожа на голову крокодила с рогами носорога, а тело как шесть бегемотов, сложенных вместе. Он покрыт броней из чешуи, желто-белой, как чешуйки проказы, лапы у него, как у черепахи. Господь всемогущий, что за зверь! Я забываю о ружье, которое держу у бедра, я могу лишь стоять и смотреть. В ноздри втекают холодные плотные облачка зловонного мускуса, перепонки в ушах разрываются от рева зверя. Ах! он вздымает волны, с ног до головы окутывая меня водой пополам с клейкой слизью и маслянистой пеной.

Почему существо не заметило меня? Я не пытался спрятаться от этих громадных желтых глаз с чешуйчатыми веками и полукруглыми зрачками, я застыл, как каменный идол. Возможно, это и спасло меня. Быть может, я был слишком мал и недостойн такой великой ярости. Знает лишь Он, Тот, кто в начале дней создал подобных зверей, дабы бороздили они воды. Тот, кто оставил одного из них жить, дабы узнал наш мир, мир пигмеев, какими были создания прошлого. Я не знаю. Я оглох от рева и громовых ударов гигантского хвоста по воде, я весь промок от летевшей из пасти пены, меня душило зловоние. Но я не сводил глаз со зверя, изливавшего свою ярость, и мало-помалу я начал понимать.

Трудно видеть такую боль, такие страдания. Другой на моем месте так бы и подумал. Когда он наконец успокоился и недвижно лег на вспененную черную воду, хватило бы одной пули, одной пули из слонобоя в его маленький глупый мозг за громадными, как луны, глазами, и все было бы кончено...

Но я не выстрелил!

Казалось, прошли часы, прежде чем отец вновь заговорил, хотя минутная стрелка на часах с кукушкой сдвинулась лишь восемь раз.

— Нет! Я не стану стрелять! Я не избавлю зверя, динозавра, бронтозавра или как там еще зовут это создание, от мук, что обречен терпеть я. Меня от них никто не избавил! *«Пусть живет! — сказал я. — Пусть ищет ее в безднах, что не промерить никаким лотом, лишенный утешения, лишенный надежды! Пусть год за годом поднимается к солнцу и весеннему ветру сквозь мили и мили черной воды, и не находит ее вплоть до скончания мира! Пусть тщетно зовет ее в одинокие ночи, пока День и Ночь не сольются воедино в гласе трубы Страшного Суда и Время не перестанет существовать!»*

Бах!

Огромная рука грохнула по массивному столу из паркии, развеяв чары, что заставили меня онеметь.

— Я... я не понимаю, — услышал я свой детский голос. — Почему Великий Зверь был так печален? Кого он звал?

— Свою умершую подругу. Ее кости торчали на мелководье в нижней оконечности второго озера, как побелевшие доски разбитого корабля. Они, Он и Она, были последними в своем роду на земле, и потому он познал одиночество, и не избудет его, пока смерть не принесет забвение и покой. Ветер утих, мой мальчик, дождь перестал, и тебе пора спать.

**НА ПОИСКИ ДИНОЗАВРОВ
АФРИКИ**

«Глубоко в сердце таинственной Африки, на берегах дрожащего, склизкого, вязкого болота шириной в сотни миль, рядом с зарослями тростника и фантастически извивающимися кустами с тусклыми, умирающими листьями, чьи корни уходят на тридцать футов в глубину, лениво ворочается гигантское чешуйчатое тело последнего в мире бронтозавра, последней живой особи чудовищного зверя, который бродил по каменноугольным лесам Пенсильвании 50,000,000 лет назад».

Подобные поразительные истории украдкой, хоть их и встречают презрительным смехом, добираются до городов южного континента из экваториальных джунглей.

Два десятилетия назад группа белых поселенцев в пробковых шлемах впервые прорубила путь сквозь колючий кустарник и баобабы к землям, лежащим к северу от Родезии. Длинная процессия черных как смоль, голых, улыбающихся дикарей взвалила на плечи тщательно отобранный багаж пионеров — особые палатки, предназначенные выдерживать экваториальные ливни (пять дюймов осадков за полчаса), ружья для охоты на слонов, хинин или другие лекарства от тропических заболеваний и скрипящие ящики с амуницией — и двинулась по узким, извивающимся кафрским тропкам в кишачие крокодилами долины. Туземцы пели странные песни на мелодичном языке краалей.

— Приближается Великий, — распевал седеющий старший носильщик, который шел впереди исследователей, выискивая в джунглях оставленные слонами просеки.

— Приближается, — отвечали молодые дикари позади. — Земля трясется под ногами зверя.

Загоревшие на солнце, потные европейцы, шагая в высокой траве буша, поднимали бородатые лица, много недель не знавшие бритвы, и в недоумении переглядывались.

— О чем это они? — спросил молодой человек, покинувший Америку в поисках приключений в стране кафров.

Старый белый охотник, возглавлявший отряд, остановился, пропуская последнего носильщика к внезапно открыв-

шемуся вельду. Среди семифутовой травы бродил носорог и медленно вытапывал полянку орхидей, каждая из которых стоит в Филадельфии тысячу долларов.

— Вы видели здесь много странных животных, не правда ли? — спросил старший из путешественников, указывая дулом ружья на неуклюжего зверя. Американец кивнул, заметив, что похожее на локомотив тело, рог над мордой и двухдьюмовая шкура безусловно выглядят необычно.

— Так вот, друг мой, — воскликнул охотник на слонов, — все носороги, тапиры, киты и броненосцы в мире покажутся вам доброй старой фермерской коровой в сравнении с существом, о котором поют машона.

Быстро надвинулись сумерки, и на поляне под пальмами были поставлены палатки. Туземцы разожгли огромный костер, чтобы отпугивать львов от импровизированной колючей изгороди, охранявшей в темноте лагерь путешественников, и стали готовить на огне свой маис. Отложив старые номера английских и американских журналов, путешественники заговорили о песне туземцев.

— Что такое «Великие»? — спрашивали те, что помоложе, смазывая свои ружья.

— Бог их знает, — пожал затынутыми в хаки плечами старый охотник, который утверждал, что пробирался на север в такие места, где не бывал ни один европеец. — Но можете мне поверить: хотя ни один белый и не видел этих животных, все туземцы о них говорят и твердо верят, что они существуют.

«Великие» оказались подходящим предметом для беседы под аккомпанемент шакала, лаявшего далеко в темноте на Южный Крест. Пионеры прошли сотни миль на север, к неведомым землям у экватора, где побывали, оставив лишь скудные описания, Стенли и Ливингстон. Последние поселения белых остались далеко позади тропы, протоптанной носильщиками в буше. Забытые финикийские золотые копи, заросшие громадными столетними деревьями, кафрские краали с соломенными хижинами, горные цепи, населенные бабуинами, прерии, на коричневой траве которых едва можно было разглядеть львов — бесконечный Аф-

риканский континент поворачивался к ним все новыми гранями.

Гром в дрожащих пальмовых лесах, огромное белое облако, поднимающееся на тысячу футов в голубое тропическое небо, миля в ширину и 450 футов в высоту: путешественники достигли чуда, известного всему миру даже в те дикие времена под названием водопада Виктории. Повсюду на глинистых берегах грелись гиппопотамы и крокодилы, а величественная река Замбези спешила мимо окаймленных пальмами заливов к пропасти на своем пути к далекому морю.

Экспедиция приближалась к землям Великих. Крошечное поселение белых у водопада, где жили топографы, занятые на строительстве железной дороги Кейптаун-Каир, не задержало исследователей надолго.

Баротсе с пучками густых волос на голове, напоминавшими подстриженную садовую изгородь, забрали тюки у верных носильщиков-машона, певших песни о Великих. А те зашагали домой, позвякивая зажатым в кулаках драгоценным серебром (в бусах кафров нет карманов); до родного крааля им оставалось пройти всего ничего, около 600 миль.

Однажды вечером молодой американец подошел к костру и под звуки барабанов сказал:

— Парни, это существо — старина бронтозавр, последнее доисторическое чудовище, дожившее до наших дней. Представьте себе, какая будет сенсация, если мы поймаем одного. Мы должны попытаться.

— Ты слышал о больших зверях, что водятся там? — спросил молодой путешественник, указывая на отдаленную полосу глухого леса, к которому направлялся караван.

Старший кафр улыбнулся, показав остро подпиленные зубы, потряс большими медными кольцами в ушах и с волнением ответил:

— Большие звери — да, большие как никакой зверь. Тело как слон, маленькие ноги как крокодил, шея как жираф, рот... — две черные руки раскинулись во влажном воздухе, показывая огромный зияющий провал.

В ту ночь носильщики-баротсе вновь пели об ужасе Великих. Пионеры дошли до самых дальних уголков джунглей и наконец увидели крутые скаты крыш крааля, где правил вождь баротсе с незапоминаемым именем.

Толстый, лоснящийся черный Король сидел под пальмовым деревом. С его толстой шеи свисали бусы и кости; любимая жена обмахивала его рыхлое потное лицо опахалом из обезьяньих хвостов. Исследователи миновали хижины и вышли на открытую утоптанную площадку.

— Я приветствую белых людей, — пробормотал вождь. — Что надобно им?

— Мы ищем Великих, — ответил старый охотник.

— Далеко, вверх по реке Кафуэ, обитают они. Мой индунна (советник) отведет вас туда.

Путешественники забрались в узкие, шаткие каноэ. Голые черные гребцы взялись за весла, распевая песню, и лодки понеслись по бурной широкой реке. Порой из воды выглядывала зловеще оскаленная морда крокодила. Европейцы смотрели на проносящийся мимо них по обеим сторонам реки лес и прислушивались к его шорохам и эхо, надеясь увидеть длинную чешуйчатую шею и стеклянные глаза чудовища, жившего 50,000,000 лет назад.

— Дальше я не поплыву, — воскликнул храбрец, которого вождь назначил проводником. За изгибом реки лодки со звуком «рррррп» вылетели на покрытый галькой и илом берег; черные носильщики радостно соскочили на скользкую, но твердую почву, подальше от крокодилов. Путешественники достигли громадных и таинственных болот Кафуэ.

Блестящие зеленые топи, поросшие тростниками, уходили на север. На поверхности стоячих вод цвели лилии. Змеи извивались между зловонными тропическими растениями. Гниющая трава сбилась в плотные, как войлок, плавающие островки. На отмелях между кустами дремали беге-

моты; их плотные шкуры блестели на солнце.

— Осторожней!

Предприимчивый американец чуть не угодил в податливые и предательские зыбучие пески Кафуэ.

Много недель исследователи шли по краю болота, рубя обвивавшие мертвые стволы лианы, выбрасывая в грязь лишний груз и зажигая большие костры, чтобы отпугнуть животных, чьи сверкающие глаза жутко глядели из ночной тьмы. Однажды утром старшина носильщиков пошел за съедобными орехами. Он не вернулся. Трава на берегу болота была запятнана кровью, на мягкой глине в нескольких ярдах от воды виднелся отпечаток лапы — *длиной в пять футов*.

— Ошибки нет, — сказал старый охотник. — Когти, широкие чешуйчатые лапы, длинная полоса раздавленных тростников шириной в двадцать футов, уходящая во внутренние таинственные области Кафуэ.

— Могу поклясться, что это след бронтозавра, — отозвался американец, и ему ответили из леса испуганные голоса баротсе, торопившихся покинуть землю Великих.

Исследователи дальше не пошли. Туземцы тряслись от ужаса, зловонные болота грозили болезнями, припасы были на исходе после многих дней пути — и охоту пришлось прекратить. Экспедиция повернула назад, к далеким селениям. Каноэ летели вниз по реке, ужасные болота Кафуэ таяли вдаль, и все радостней пели баротсе.

Толстый вождь по-прежнему сидел под пальмовым деревом, словно не двигался с места с тех пор, как экспедиция покинула крааль.

— Я знал, что вы не увидите великих, — произнес он. — Но вы видели их следы. Теперь белые люди поверят.

Но не все белые люди поверили. Многие африканеры посмеивались над рассказом исследователей. «Увидели углубление в глине и назвали следом», — говорили они. Дру-

гие склонны были поверить. Картографы доставали из шкафов свои карты и измеряли линейками белое пятно, означавшее неизведанные границы болот Кафуэ. Тысячи неисследованных квадратных миль. Слизь, воды и растения, которые, не исключено, появились на свет, когда угольные залежи были еще лесами. По всей Африке шли громкие споры о бронтозавре. Свое мнение высказал знаменитый американский геолог:

— Вполне возможно, что в тех краях водятся доисторические чудовища. Известно, что они жили в болотах. Так почему бы не в болотах Кафуэ?

А затем случилось нечто удивительное.

Вымершее животное, известное науке лишь по окаменелостям, было найдено живым в Центральном Конго экспедицией немецкого герцога Мекленбургского.

Этот любопытный зверь под названием «окапи», наполовину лошадь, наполовину зебра, был привезен в заморские зоопарки. Как видите, наш приятель бронтозавр, о котором рассказывают кафры, *не так уж* невероятен.

Вы можете спросить, были ли исследованы болота Кафуэ. Африка забывает быстро. Несколько попыток — а затем вечный поиск золота, алмазов, угля и других полезных ископаемых заставил людей забыть о таинственных болотах.

Родезия пересечена железными дорогами, водопад Виктория — мокрым от брызг мостом, в буше гремят механизмами глубокие шахты, и лишь Баротселенд остается почти таким же, каким был до прихода белого человека. И далеко, далеко вверх по реке поблескивают таинственные белесые болота с их болезнетворным климатом, труднодостижимыми берегами и кипящим варевом растений. Они выглядят так же, как в те времена, когда история еще не началась, а человек, возможно, еще не существовал, как в те дни 50 миллионов лет назад, когда бронтозавр или его собратья-чудовища с жуткими зубами и ороговевшей шкурой ужасали угольные леса.

Генри Френсис

**ПОСЛЕДНЕЕ ЛОГОВО
ДИНОЗАВРА**

Илл. Б. Муннса

Майское солнце ярко освещало самую большую из комнат квартиры в одном из оксфордских колледжей. По ней расхаживал взад и вперед человек лет пятидесяти, время от времени поглядывая на висевший на стене рисунок. Он изображал какое-то допотопное существо, наполовину рептилию, наполовину животное, название и описание которого, безусловно, невозможно было найти ни в одном современном труде по естественной истории.

Рисунок был выполнен согласно всем доступным источникам и представлял живого динозавра таким, каким он вставал в воображении художника.

Оуэн Гриффит, художник и обитатель квартиры, университетский профессор медицины, был в свое время хорошим стрелком и конным охотником и прекрасным спортсменом. Но он также с большим увлечением раскапывал землю, извлекая из нее сведения о птицах, зверях и рыбах, живших в далекие эпохи, когда человека, вероятно, еще не существовало.

Дверь комнаты открылась, и вошел молодой человек по имени Лайал Сомерс. Он только что получил диплом, с отличием закончив научный факультет, и пришел обсудить с профессором предполагаемую экспедицию в Южную Африку. Они собирались искать окаменелые останки давно вымерших животных, а также надеялись привезти, если повезет, шкуру и скелет одной очень редкой антилопы, которую вскоре могли уничтожить дальнобойные винтовки европейских охотников.

Профессор и его ученик когда-то быстро подружились: оба, каждый по-своему, были атлетами и питали неутолимую страсть к научной работе.

Они решили отплыть из Англии в июне на пароходе, направлявшемся в Кейптаун, и провести в путешествии шесть месяцев, взяв с собой ружья, припасы и все прочее, что необходимо для длительной экспедиции по центральной Африке, затеянной ради их любимых занятий — геологических исследований и спорта.

Плавание к Мысу Доброй Надежды прошло без каких-либо примечательных происшествий, и в начале июля они высадились в Карру, в Капской колонии. Здесь они исследовали скальные слои, нашли немало окаменелостей вымерших животных и, к своей величайшей радости, узнали от зулусов и прочих, что в области к северу от Кхамы имеется место, где «каменные кости», как называют их готтентоты, во множестве лежат в каждой пещере, а дичь водится в изобилии.

Путешественники, не задерживаясь долго, выступили к этому раю геологии и спорта. Оба они были людьми крепкими, и их не пугали тяготы пути. Каждый был ловок и силен для своего возраста, оба мечтали о новых открытиях. Оуэн Гриффит не брился с тех пор, как покинул Оксфорд, но Сомерс оставался предан бритве и отрастил лишь усы над верхней губой. Они были одеты в спортивном стиле, вооружены винтовками и необходимым запасом амуниции; правда, профессор не расставался со своей мягкой войлочной шляпой.

Пройдя через Мафекинг и территорию Кхама, они оказались в изрезанной, холмистой местности; судя по всему, она находилась недалеко от истоков реки Вааль. Здесь они обнаружили крааль старого африканского вождя, который отнесся к англичанам с чрезвычайным дружелюбием. Он обещал помочь им добраться до мест с многочисленными окаменелостями и обильной дичью, но настаивал на том, что следует избрать обходной путь, так как прямой лежит через долину, населенную демонами и духами необычайных видов и форм. Спаситься от демонов и духов, убивавших все живое вокруг, не мог ни один человек.

Дружелюбный старый вождь выделил экспедиции носильщиков-негров, еще раз напомнил путешественникам о необходимости избегать «Долину смерти» и обитающих там жутких чудовищ и попрощался с англичанами.

Июль в Южной Африке — время зимнее, и два спортсмена наслаждались охотой. Окрестности кишели дичью, к тому же днем им удалось добыть образчик редкой антилопы, о которой они мечтали, тем самым выполнив одну из задач экспедиции.

Вечером они разбили лагерь у ручья и пересчитали свой отряд. Англичане привели с собой двух зулусов из Карру, а старый вождь выделил им старшину и двенадцать носильщиков; таким образом, отряд состоял из семнадцати человек. По пути они застрелили нескольких канна, бубалов, спрингбоков и других антилоп, и в этот поздний час по всему лагерю разносился манящий запах жареной дичи.

Пужинав, Гриффит и Сомерс растянулись с подветренной стороны костра: дым немного спасал от москитов. Молодой человек спросил своего спутника:

— Что вы думаете, профессор, по поводу рассказа старого вождя о необычайных и опасных животных?

— Не знаю, что и думать, — ответил профессор. — Я весь день размышлял о его словах. Он сказал, что этот зверь, дух или демон (ведь он называл его многими именами) передвигается быстро, прыжками, словно кенгуру, однако способен перепрыгивать через деревья — что, конечно, является естественным в таких случаях преувеличением. Динозав-

ры доисторических времен, вероятно, передвигались таким же способом, о чем говорят глубокие отпечатки их задних ног в песке и глине, ставшими песчаником. Однако эти ящеры жили очень давно и уже много веков как вымерли.

— Но почему? — возразил Сомерс. — Как я понимаю, они должны были во всем походить на дракона, которого убил святой Георгий не так много столетий назад. Вы сами об этом говорили.

— А вы считаете, Сомерс, что святой Георгий когда-либо существовал? — насмешливые губы профессора чуть изогнулись, выражая недоверие.

— Легенда о святом Георгии, по всей вероятности, правдива. Скульптурные и живописные изображения вымерших «драконов» можно найти в половине музеев мира, — воскликнул Сомерс.

— Покажите мне ископаемые останки святого Георгия, и я дам вам определенный ответ, — с надменным видом ответил Гриффит, в промежутках между словами выпуская изо рта табачный дым.

— Ладно! Некоторые без ума от окаменелостей. Не скажу, что вы один из них, но у вас на уме одни динозавры. Для некоторых, опять же, они создания ума, то есть вымысла. Но если мы исходим из того, что подобные животные существовали, почему бы им не сохраниться в неисследованных областях земного шара? Недаром говорят, что на Мадагаскаре может все еще прятаться птица додо.

— Я в это не верю, — важно прервал профессор.

— Не вы ли как-то сказали, что в морском змее нет ничего невероятного? — парировал Сомерс.

— Но это совсем другое дело — совершенно другое! — оживленно вскричал профессор, сев на любимого конька. — На земле некогда водились чудовищные звери, гигантские создания, плотоядные и травоядные. Это доказывают их кости, которые мы находим по всему миру. В море также могли водиться и могут до сих пор жить гигантские чудовища; беда в том, что мы не можем спуститься на дно моря, чтобы это подтвердить. Условия жизни на суше и в море разнятся. Кости наземных животных сохранились под

слоями песка, глины, камня или вулканического пепла. Но вода — иное дело. Океаны не хоронят своих обитателей, останки морских змеев и чудовищ не найти в воде. По моему мнению, все свидетельства говорят в пользу того, что они существуют и поныне.

— Пойду-ка я спать, — сонно пробормотал Сомерс и вскоре забыл и о чудовищах, и обо всем прочем. Профессор подбросил веток в костер и последовал его примеру.

На следующее утро отряд приготовился продолжать путь. Путешественники решили было держаться берега речки, на которой стоял лагерь, но сразу же столкнулись с непредвиденными затруднениями. Большинство носильщиков старого вождя отказались тронуться с места, уверяя, что эта дорога ведет напрямик в «Долину смерти», откуда еще никто не возвращался. Подобно дружелюбному вождю и почти в тех же словах, они описывали какое-то отталкивающее, яростное, прожорливое существо, чудовище размером с дом, чье логово находилось где-то в долине, прямо там, куда несла свои воды река.

Англичане заспорили, указывая на свои чудесные ружья; Сомерс красноречиво ссылаясь на двухунцевый дульнозарядник, с помощью которого накануне, к восторгу туземцев, уложил канну с расстояния в 800 ярдов — но все было напрасно. Лишь четверо согласились идти в долину вместе с нашими спортсменами; было решено, что остальные обогнут окружавшие долину холмы и встретят англичан там, где река вытекает из этого обиталища ужаса и жутких тварей.

В последний момент один из негров передумал, и маленькая кавалькада, сопровождавшая путешественников, сократилась до трех человек. Они двинулись гуськом — впереди проводник, за ним два оксфордских джентльмена, а позади два носильщика с одеялами и походной кухней. Несколько миль дорога шла вдоль реки, по голой, лишенной деревьев и поросшей чахлой травой местности; затем отряд приблизился к узкому ущелью между двумя холмами. Через некоторое время ущелье внезапно расширилось, и удобная дорога закончилась. Речка, вдоль плавных излучин которой

Предстоял трудный и опасный спуск.

они шли, низвергалась здесь со скал сверкающим каскадом и падала в расстилавшуюся внизу широкую долину. Предстоял трудный и опасный спуск с крутого утеса.

Но вид, открывшийся глазам путешественников, был поистине чудесным. Долина тонула в великолепии тропической растительности. Тут и там виднелись зеленые травянистые саванны; посреди их текла река, а вокруг этих природных лугов и до самых скалистых утесов, обрамлявших пейзаж, темнели первобытные леса с такой плотной и густой листвой на деревьях, что солнечные лучи не в силах были проникнуть в их чащи. В голубеющей дали вырисовывалось обширное озеро, дымившееся от полуденного зноя; оно раскинулось на самой границе поля зрения, указывая, что там или где-то поблизости река вытекала из долины.

Путешественники стали медленно спускаться с утеса. Босые туземцы уверенно ставили ноги на камни, но обутым в походные ботинки европейцам приходилось вести себя с большой осторожностью: иначе легко было поскользнуться и покатиться вниз по гладкому склону, где зацепиться оказалось бы не за что.

В конце концов они достигли дна и, усталые после спуска и дневного перехода, поставили свою маленькую палатку на полянке у подножия утеса. Сомерс вскипятил чайник и начал готовить ужин, а Гриффит, вооружившись ружьем, отправился на разведку. Он вернулся и сообщил, что в долине, очевидно, водится какое-то крупное животное: отпечатки его ног напоминали следы слона, а на дне протока и вдоль берегов, параллельно реке, видны были вытопанные животным тропки.

— В сумерках я не мог различить следы на дне, но если здесь бродит слон-отшельник, он скорее всего устроил засаду у воды и убивает всякого, кто приближается к реке. Это может объяснить истории о чудовищах.

В ту ночь в лагерный костер положили большие поленья; люди легли спать ногами к огню. Ночь прошла спокойно. Все было тихо, не считая криков какого-то животного далеко в лесу и журчания небольшого водопада.

Ближе к утру один из негров потянулся и привстал, собираясь подбросить дров в костер, как вдруг его схватило и потащило в лес какое-то дикое животное. Негр отчаянно звал на помощь, разбудив весь лагерь.

— Что это? Что случилось? — воскликнул Гриффит, вскакивая и на шаривая в палатке ружье. Сомерс был уже снаружи. Двое оставшихся негров спрятались за спинами белых.

Было понятно, что один из чернокожих пропал. В лесном тумане растворялась, пробираясь к воде, какая-то большая и темная масса. Слышались лишь крики и стоны несчастной жертвы и хруст веток на пути загадочного чудовища. Путешественникам оставалось только дожидаться, когда станет светлее.

Затем они пошли по следам. Они вели к лесной пропасти, где глазам исследователей предстало ужасное зрелище. На скале, нависшей над протоком примерно в двухстах ярдах от них, рвало на куски и пожирало их убитого товарища ужасное чудовище с телом колоссальной крысы, хвостом крокодила, змеиной шеей и головой питона. Сомерс тщательно прицелился и выстрелил в существо, которое лишь подняло голову на шум. Будто негодуя, оно сжало в зубах тело несчастного негра и соскользнуло со скалы, погрузившись в заводь у ее основания.

— Какой жуткий зверь! — ахнул Сомерс, побледневший от тревоги и волнения. — Его туловище больше, чем у слона!

— Это динозавр, хищный динозавр, — чуть не задохнувшись от научного восторга, вскричал профессор. — Не может быть никаких сомнений. Внешний вид во всех деталях соответствует описаниям и рисункам динозавров в музеях Америки и Европы.

Профессор еще долго продолжал бы восторгаться открытием, но молодой человек прервал его.

— Мы должны убить эту тварь! Мне все равно, как она выглядит. Давайте лучше подумаем, как с нею покончить.

Они посоветовались и решили выследить существо, подобраться к нему поближе и стрелять с близкого расстояния.

Одного из негров схватило какое-то дикое животное.

— Полагаю, пуля из моего ружья чуть позади плеча решит вопрос, — заметил Сомерс, перезаряжая оружие. — Это никакой не демон, не сверхъестественное создание, а существо из плоти и крови. Мы сумеем его убить, стоит лишь захотеть.

И они приступили к поискам динозавра. Внимательный осмотр реки не помог обнаружить зверя, и путешественники предположили, что он, наевшись, прячется в какой-либо подводной пещере или в темной чаще леса.

После бесплодных поисков они вернулись в лагерь и развели огромный костер. Проведя беспокойную ночь и наскоро позавтракав, спортсмены вскинули на плечи ружья и направились к реке, готовые следовать по берегу до самого озера, если проклятый хищник скрывается так далеко.

Больше по привычке, чем по необходимости, на несколько ярдов впереди отряда шел один из негров. Отряд осторожно пробирался по долине. Местность отличалась чарующей красотой. Над берегами порхали дивные птицы и бабочки, показывая разноцветные крылья и перелетая с куста на куст. Зеленые перья бамбука и широкие листья диких банановых деревьев смыкались друг с другом. Но сама река служила свидетельством жестокой натуры полу-рептилии, облюбовавшей этот райский уголок. Существо, очевидно, устраивало засады на животных, приходивших на водопой, и пожирало их; речные отмели часто напоминали окровавленные полы скотобойни.

Отряд долго двигался вдоль реки, вниз по течению, но следы динозавра так и не были обнаружены. Решили возвращаться; шли опять по берегу, так как джунгли отступали от воды и идти здесь было не в пример легче. Когда они поравнялись с каменистой насыпью, поросшей кустарником и травой, динозавр вдруг выскочил из-за нее; изогнув шею, как змея, он одним гигантским прыжком покрыл невероятное расстояние по меньшей мере в двадцать ярдов, набросился на негра, шедшего впереди, мгновенно охватил голову несчастного челюстями и раздавил череп зубами. В тот же миг профессор выстрелил из ружья, заряженного

Ужасное чудовище.

высокоскоростной пулей, целясь в глаза и голову чудовища; зверь бросил негра и ринулся к Гриффиту, и тот снова выстрелил. Тем временем Сомерс выпалил из обоих стволов в бок чудовища, но пули отскочили, словно шкура существа была стальной.

Однако выстрелы профессора, как видно, не прошли для динозавра даром — зверь опустил голову и одновременнодохнул из пасти таким жутким, гниlostным и удушающим зловонием, что обескураженные спортсмены сочли за лучшее поспешно отступить. Оставшийся в живых негр со всех ног побежал за ними.

Отбежав на триста-четыре ста ярдов, англичане с облегчением остановились и вдохнули чистый воздух, вымывая из легких отравленное дыхание рептилии. После они поторопились перезарядить свои ружья.

— Нужно снова атаковать существо, — сказал профессор. — Стрелять в туловище бесполезно. Кажется, я попал в глаз, если не выбил его, но ваши пули отскочили от спины зверя: несмотря на весь шум, я расслышал, как они просвистели в воздухе. Я всегда считал, что шкура на боках этих животных была особенно толстой и...

— Сейчас это не так важно, Гриффит, — буркнул Сомерс. — Оставьте рассуждения для университетской лекции. Давайте решим, куда и как стрелять — и будем придерживаться плана. Предлагаю держаться поближе к боку динозавра. Я выстрелю из обоих стволов в туловище, в то место за маленькими передними ногами, где у всех животных кожа тоньше. Когда он вскинется, всадите скоростную прямо в пасть. Я заметил, что он все время держал пасть открытой — и в прыжке, и когда схватил беднягу чернокожего.

Обсудив план действий, они вернулись обратно по своим следам. Динозавр не двинулся с места: придавив передней частью тела труп негра, он размахивал головой и терся поврежденным правым глазом о землю.

Сомерс, шедший впереди, решил этим воспользоваться и очень медленно и осторожно стал подбираться к существу, забирая вправо. От динозавра исходила ужасающая гниlostная вонь, но спортсмены, преодолевая тошноту,

ту, постепенно продвигались вперед. Наконец Сомерс оказался так близко, что почти мог притронуться к шкуре динозавра дулом ружья. Молодой англичанин тут же выстрелил из обоих стволов. Отдача отбросила его назад, однако динозавр успел быстро обернуться и вскочить на задние ноги; изгибая длинную шею, он с тупым звуком обрушил челюсти на голову Сомерса. К счастью, тропический шлем спортсмена был проложен изнутри сталью, наподобие охотничьей шляпы; хотя зубы животного прошли сквозь сталь и причинили Сомерсу серьезные ранения, в зубах у выпрямившегося чудовища остался один только шлем. Гриффит, не медля, выстрелил по глазам чудовища. Динозавр выплюнул шлем и возобновил атаку. Он был тяжело ранен, но все же снова дернулся вперед, изогнул шею и схватил профессора пастью за правое плечо. Кости Гриффита хрустнули в зубах рептилии, ружье выпало у него из рук. Но в эту, хоть и краткую, секунду Сомерс успел оценить положение. Он подхватил упавшее ружье, приблизил дуло к левому глазу динозавра и нажал на спуск. Зверь выпустил руку профессора, с пугающим шипением взвился в воздух, упал в поток и медленно поволок свое тело по дну к озеру в устье долины.

Правая рука Гриффита была выведена из строя, Сомерс также был ранен, однако путешественники двинулись за динозавром. Вода в потоке была красной от крови, вытекавшей из ран в боку чудовища.

— Он получил четыре унции доброго свинца в сердце или в легкие, — мрачно произнес Гриффит, когда они на минуту остановились, глядя на лужу пенистой крови в том месте, где динозавр недолго отдыхал на берегу.

Профессор не ответил. Он ослабел от ран, нанесенных зубами рептилии, голова у него кружилась. Спортсмены устало плелись за своей добычей. Кровавый след в конце концов вывел их в к озеру, которое они видели с утеса. Следы динозавра обрывались на берегу: там он бросился в озеро и исчез.

Обессиленные от ран и преследования спортсмены повалились на землю, не в силах пошевелиться. Вскоре к ним

Они были совершенно обессилены.

присоединился и последний негр с выпученными от страха глазами. Англичане не могли встать на ноги и послали его вперед за носильщиками, ждавшими их где-то поблизости. Он вернулся со старшиной; любезный посланец старого вождя предварительно разыскал в багаже флягу с бренди. Несколько глотков оживили страдальцев, и они молча кивнули, показывая, что готовы покинуть долину.

В надлежащий срок путешественники, оставив на время поиски окаменелых останков динозавров, возвратились в Кейптаун, а оттуда в Оксфорд, где поправили изображение динозавра, висевшее на стене в комнате профессора.

Сэмюэль Хопкинс Адамс

ЛЕТУЧАЯ СМЕРТЬ

Документ № 1.

Письмо Гарри Хайнса, сотрудника «Новой эры» в Нью-Йорке, посланное им редактору во время нахождения своего в отпуске.

Монтаук. 20 сентября 1910 г.

Любезный мистер Клер!

Предоставляю следующий случай на ваше личное усмотрение. Поместить его в настоящее время в газетах или каком-нибудь журнале нельзя, ибо к нему отнесутся, как к нелепой выдумке. Но если и вы придете к тому же заключению и притом сочтете меня жертвой острого помешательства, то я могу представить вам двух вполне достоверных свидетелей, которые лучше меня докажут вам наличие невероятного факта. Свидетели эти — профессор Равенден, известный энтомолог, а затем Стенфорд Кольтон, сын старика Кольтона из Петтон-Треста, студент-медик, кончающий в этом году курс медицинских наук. Профессор Равенден занимается в настоящее время наблюдением над превращениями одного редкого вида маленьких, небесно-голубых бабочек, которые водятся здесь.

Мы трое составляем полный комплект запоздалых дачников дома № 3 и, вероятно, пять процентов населения этой покрытой травой местности в сорок квадратных миль; остальные люди — или служащие в обществе спасения жизни, или хозяева домов №№ 1, 2 и 3 или, наконец, рыбаки, поселение которых находится на южной окраине.

Вечером — т. е. вчера для большей точности, так как теперь уже за полночь — мы все трое отправились гулять. На возвратном пути нас застиг частый и мелкий дождь, который бил нам прямо в лицо, мешая хорошо рассмотреть окружающий нас ландшафт. Немудрено заблудиться в такой стране, где все холмы точно вылупились из одного и того же яйца, а дубовые кустарники проросли из одного и

того же желудка. Целый час или около этого бродили мы кругом и когда, наконец, услышали шум прибоя, то вышли на верхушку песчаных холмов, которые возвышаются на восемьдесят футов над взморьем. Когда прошел дождь и туман, мы увидели в пяти шагах от подошвы холмов и несколько далее к востоку от нас тело человека, лежавшее на песке.

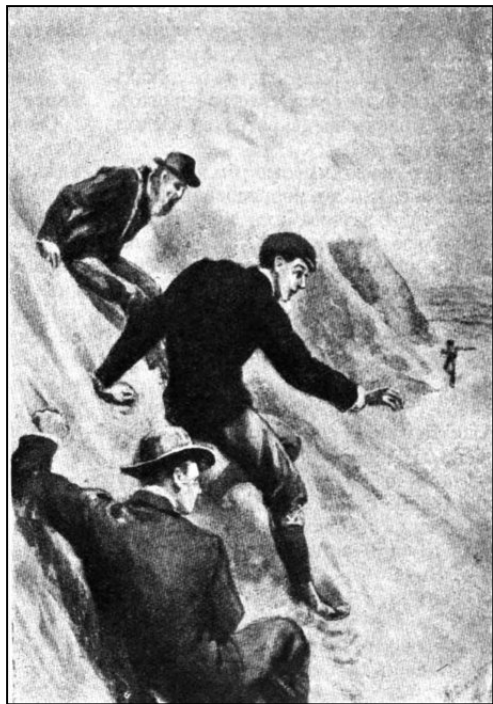
В беспорядочном положении тела было нечто, сразу бросавшееся в глаза и наводившее на мысль о насилии. Хотя с первого взгляда можно было бы предположить, что тело выброшено на берег водой, но я почему-то вообразил, что не волны были причиной смерти несчастного. Там, где мы стояли, холмы кончались почти отвесным обрывом, и нечего было думать о спуске, но против того места, где лежало тело, они были ниже и более отлоги и, кроме того, там находился овраг, который врезывался в глубину холмов, образуя прямой угол со взморьем. Частью падая, частью скользя по поверхности крутого склона, спустились мы ко входу в овраг, который совсем почти был закрыт огромным камнем, и очутились на мягком, покрытом кремнистыми глыбами взморье всего в несколько футов ширины, твердая песчаная поверхность которого тянулась вплоть до отливавших в ту минуту волн. Не успели мы добраться до входа, как из-за восточного края холмов показался человек, который, увидев тело, бегом пустился к нему. Кольтон также было бросился в ту сторону, но я позвал его обратно. Я не хотел, чтобы на песке остались его следы. Придерживаясь окраины холмов, мы двинулись навстречу бегущему человеку, который окликнул нас тотчас же, как только добежал до места, откуда шум прибоя не мог мешать нам слышать его.

— Как давно уже лежит это тело здесь?

— Мы только что увидели его, — отвечал Кольтон. — Его, вероятно, выбросило приливом на берег.

— Я береговой сторож со станции Боу-Гилль, — сказал человек.

— А мы жильцы из дома № 3, — сказал я. — Надо сейчас же разузнать, в чем тут дело.

Мы спустились в овраг.

— Идемте тогда, — отвечал он.

Мы находились в нескольких шагах от тела, голова которого была обращена к морю. Береговой сторож вдруг остановился и вскрикнул:

— Да это Павел Сердгольм! — затем бросился вперед и прибавил: — Его убили!

— О, нет! Не убили, — с некоторым раздражением в голосе сказал профессор. — Он утонул и...

— Утонул! — прервал его береговой сторож. — А почему у него тут рана на затылке? Он служил сторожем в Санд-Спиге, в двух милях отсюда. Три часа тому назад я видел его вон там на утесах. Неужели он с тех пор все ходил между этим местом и станцией? И... — он так быстро повернулся к нам, что профессор даже отскочил от него, — на что он тут наткнулся?

— Он мог удариться об острый конец камня, — заметил я.

— Нет, сэр! — отвечал самоуверенно береговой сторож. — Прилив ни разу в месяц не достигает такой высоты. Это убийство, вот что!.. Гнусное убийство! — и он склонился над мертвым.

— Он прав, — сказал Кольтон, внимательно тем временем осмотревший тело. — Здесь не может быть и речи о том, что он утонул. Его чем-то ударили, и он моментально умер. Не был ли он вашим приятелем? — спросил он у сторожа.

— Нет! У Павла Сердгольма не было приятелей, — отвечал сторож. — Не далее, как на прошлой неделе, мы поссорились с ним.

Он замолчал и взглянул на нас.

— Как давно, думаете вы, он умер?

— Всего несколько минут тому назад.

— Подите туда наверх и посмотрите, — сказал я. — Убийца, надо полагать, скрылся в ту сторону. Сверху хорошо видно всю эту местность. Да держитесь подальше отсюда; неужели вы не можете обойти кругом?

— Что вы хотите делать? — с любопытством спросил меня Кольтон.

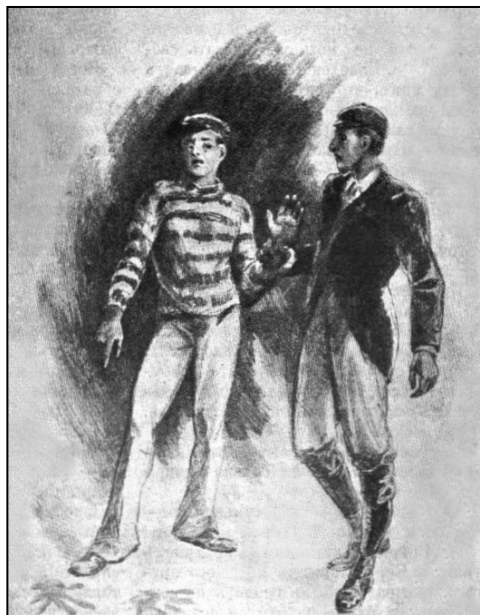
— Остаться здесь и сделать кое-какие наблюдения, — отвечал я ему шепотом. — Через полчаса вы и профессор встретитесь со мной в Санд-Спите. Сторож! Если вы ничего там не увидите, то через четверть часа идите сюда обратно. — (Он видимо колебался). — Я лет десять имел дело с разными случаями убийства, — прибавил я. — Если вы исполните все, что я вам скажу, мы в несколько минут покончим с этим делом.

Только когда товарищи мои скрылись за холмами, приступил я к разрешению задачи. Твердая часть поверхности взморья тянулась внутрь страны от того места, где лежало тело. Никто из нас не ходил между телом и мягким песком у подошвы холмов. В мягкой массе кремнистого щебня следы не могли быть ясными. Зато в всяком другом месте они должны были выделяться, как чеканка монеты. Когда мы подошли сюда, я заметил, что к востоку не было никаких

следов. Со стороны же моря видно было множество слабых следов птиц, которые тянулись вплоть до самой воды. Я снял сапоги и пошел по следам убитого. Они шли к западу. Так я прошел шагов сто. Параллельно с ними я не встретил никаких следов. Желая убедиться, не напал ли на него убийца с этой стороны, я внимательно исследовал, нет ли еще следов, покрывающих следы убитого. Ни одного не оказалось. Три стороны, следовательно, надо было исключить. Мой первый взгляд на песок между телом и холмами ничего мне не показал. Но должны же они быть где-нибудь! Держась в стороне от тела, я направился по твердой поверхности взморья.

На песке, в том месте, откуда все мы трое бросились, чтобы начать поиски, песок повыше тела убитого был глубоко вдавлен нашими следами. Но других, более поверхностных следов там не было. Только когда я очутился на прямой линии между телом и входом в овраг, нашел я ключ к разгадке. На ровной поверхности виднелись очертания огромной птичьей лапы с пятью пальцами и когтями и ясно вдавленная выпуклость внутренней ее стороны. Немного впереди, но по одной линии, я увидел такой же след, только в обратном направлении. Шаг за шагом с широко открытыми глазами и с невольным содроганием в душе высматривал я следы. Скоро я увидел вторые следы того же существа, перепутанные с первыми. Второй след, ясный в самом начале, сливался с первым, но затем снова расходился с ним. Пальцы во втором ряду были обращены к холмам. Начиная от тела и до мягкого песка шла непрерывная линия этих следов. Нигде на расстоянии нескольких ярдов не было других указаний. Песок лежал везде гладкий, как лист чистой бумаги, и в уме моем возникла ясная и неотвязная мысль, что по направлению от убитого берегового сторожа к холмам не проходило ни единого живого существа, кроме того, которое ходит на таких чудовищных лапах. Теперь, конечно, вы понимаете, мистер Клер, что о таких вещах нельзя сразу телеграфировать, не подготовив предварительно к их восприятию.

Первою моею мыслью было сохранить эти следы в неприкосновенном виде, чтобы затем их можно было лучше исследовать. Я собрал поспешно несколько плоских камней и прикрыл ими ближайшие следы к мягкому песку, когда услышал, что меня зовут. Я не желал, чтобы другие знали о том, что я нашел; мне хотелось хорошенько обдумать все увиденное мною и без постороннего вмешательства составить свою собственную теорию на этот счет. Я поспешно вернулся к тому месту, где снял сапоги, и стал надевать их, когда береговой сторож (его звали Шенк) — вышел из оврага.

— Это что еще такое? — сказал сторож, указывая на следы...

— Ничего и никого не видели? — спросил я.

— С северной стороны ничего. А вы нашли что-нибудь?

— Ничего определенного, — отвечал я. — Не ходите здесь по песку. Идите пониже. Мы отправимся в Санд-Спит, на-

до донести о случившемся.

Сторож не отвечал; он всматривался в следы, видневшиеся по другую сторону моих каменных покрышек.

— Это что еще такое? — сказал он, указывая на непокрытый след. — Бог мой! Точно след птицы! И все они идут прямо к телу, — крикнул он так, что я даже вздрогнул. Но когда затем он стал пристально всматриваться в темноту, ежась и приподымая плечи с таким видом, как будто опасался, что кто-нибудь нанесет ему удар, я вышел из себя. Вскочив на ноги, я схватил его за руку и пристально взглянул ему в глаза.

— Не делайте глупостей, — сказал я. — Держите это про себя. Я не имею никакого желания, чтобы толпа всяких идиотов налетела сюда на эти следы. Поняли? Вы донесете об убийстве, но ничего не скажете о том, чего вы не знаете. Позже мы снова этим займемся.

Сторож казался очень удивленным. Он шел совсем рядом со мной, и мне не особенно приятно было чувствовать, как он вздрагивал по временам от слишком сильного волнения. Мы почти уже подходили к станции, когда увидели шедших к нам навстречу профессора Равендена и Кольтона. Нового они ничего нам не сказали. Мы не дошли еще до станции, как мне, к великому удовольствию своему, удалось разъяснить еще один пункт.

— Человека этого убили не палкой, а застрелили, — сказал я.

— Жизнь свою готов прозакладывать, что это не огнестрельная рана, — перебил меня Кольтон. — Я много видел огнестрельных ран. Пуля никогда не оставляет таких дыр в голове человека. Она была нанесена острым орудием, брошенным чьей-то сильной рукой.

— В свою очередь, и я присоединяюсь к мнению мистера Кольтона, — сказал профессор Равенден.

— Можете вы выступить в качестве эксперта? — спросил я довольно резко. Нервы мои были слишком возбуждены, и я чувствовал себя, кроме того, крайне удивленным самоуверенным тоном молодого человека.

— Когда я находился в области реки Ориноко, где занимался наблюдениями над одной из разновидностей бабочек, — отвечал он совершенно покойно, — нашу экспедицию атаковали индейцы, живущие вблизи этой реки. Нам удалось отгеснить их, и обязанность ухода за ранеными выпала на мою долю. Я имел, таким образом, случай изучить раны, сделанные их метательными копьями. Рана, с которой мы имеем дело в настоящее время, имеет разительное сходство с теми ранами, которые я видел тогда. Могу прибавить, что образчики бабочек мне удалось сохранить в целости, тогда как мы потеряли большую часть наших съестных припасов.

— Вблизи этого места не было ни одного человека, который мог бы нанести такой удар, — отвечал я. — Здесь имеются только наши следы и следы убитого. Других здесь нет. Несчастный был убит кем-то, кто лежал в овраге или на верхушке холмов.

— Пари на пятьсот фунтов пятидолларовых монет, что результаты вскрытия не дадут вам никакой пули, — крикнул Кольтон.

Я согласился, и мы решили, что он будет присутствовать при вскрытии и затем напишет отчет о нем. Из разговора своего с некоторыми из живущих на станции я вывел заключение, что обстановка этого убийства крайне необычайна, а потому придется поработать очень основательно, чтобы найти ключ к выяснению загадки. Результаты, добытые мною, были очень скудны. С одной стороны, я узнал, что Сердгольм пользовался всеобщим нерасположением, ибо отличался раздражительным и скрытным характером, да к тому же никто не знал, откуда он появился. С другой стороны, никто и ничего серьезного не имел против него. Четыре вывода, сделанных мною из полученных сведений, заключались в следующем:

I. Неделю тому назад Сердгольм вернулся из Амагансета с разбитым лицом. Он подрался на улице с тамошним бродягой, который напал на него в пьяном виде. Один из бывших там в то время фермеров рассказывал, что сторож

здорово избил бродягу, который грозил ему мстостью. Сведения, добытые по телефону, говорят, что бродяга находился сегодня в Амагансете часов до пяти пополудни.

II. Два месяца тому назад Сердгольм обвинял местного рыбака в том, что тот украл у него табак. Затем ничего больше не было слышно об этом.

III. Три недели тому назад сюда приходил фокусник, он же и паяц, и обратился за помощью к Сердгольму, говоря, что он его двоюродный брат. Сердгольм отправил его вон на следующий день. Тогда он собрал зрителей и показал им за деньги несколько фокусов. Сердгольм, рассерженный тем, что родственник его вздумал служить потехой для людей, бросил в него тяжелую палку и сшиб его с ног. Когда фокусник оправился настолько, что мог ходить, он ушел отсюда со слезами. С тех пор его никто не видел.

IV. Этот пункт самый важный для разрешения загадки. Береговой сторож Шенк (человек, встретившийся с нами на месте убийства), поссорился с покойным из-за дочери фермера, которая любит больше Шенка. Они вступили в драку, но их успели развести. Шенк подбил глаз Сердгольму. Сердгольм грозил ему, что потом сведет с ним свои счета. Шенк не может доказать своего «alibi». Поведение его показывает, между тем, что он человек ни в чем не повинный. Нож, найденный у него, слишком мал и не мог нанести той раны, которая была причиной смерти Сердгольма. Но как мог Шенк — или другой — убить человека и не оставить следов на песке? Вот она, та непроницаемая стена, сквозь которую, мне не пробиться, несмотря ни на какие предположения.

Профессор Равенден, Шенк и я, — отправились обратно: мы в дом № 3, а Шенк с себе на станцию. Кольтон остался ждать следователя, который прислал сказать, что прибудет тотчас же, как только ему доставят лошадь. Когда мы уходили, Шенк сказал:

— Джентльмены, боюсь, что дело это навлечет на меня большие неприятности.

— Весьма возможно, — отвечал я, — что вас даже арес-

туют.

— Богу известно, что я не думал убивать Сердгольма, да и никого другого. Я, правда, был сердит на него и, как на беду, находился недалеко от того места, где его убили. Единственное свидетельство, говорящее в мою пользу, это те странные следы.

— Я прослежу за ними, пока они не приведут меня к чему-нибудь, — сказал я. — Я и сам, Шенк, не верю тому, чтобы вы участвовали в этом преступлении.

— Благодарю вас, — отвечал сторож. — До свиданья!

Когда мы входили уже в дом, профессор Равенден обратился ко мне:

— Простите, пожалуйста, мое естественное любопытство. Так ли я понял, будто на песке оказались следы, которые могут считаться важным указанием?

— Профессор Равенден, — отвечал я, — это дело окружено самыми необъяснимыми обстоятельствами. Пройдите, пожалуйста, ко мне наверх и я представлю вашему суждению один факт из естественной истории.

Когда мы уселись по местам, я обратился к профессору с следующим вопросом:

— Может ли кочующий страус или какая-нибудь другая большая птица, убежавшая из зоологического сада, жить здесь?

— На основании науки это возможно. Могу я узнать значение такого вопроса? Неужели следы, о которых говорил сторож, были следами какой-нибудь птицы о двух пальцах...

— О двух пальцах? — воскликнул я с полным разочарованием. — Неужели в семействе страусовых нет ни одного вида, у которого было бы больше пальцев?

— В настоящее время нет. В течение эволюции мира лапы страуса, подобно крыльям его, постепенно...

— Нет ли какой-нибудь огромной птицы с большими когтями и настолько сильной, чтобы она в состоянии была убить человека одним ударом клюва?

— Нет, сэр! — отвечал профессора. — Я не знаю ни одной птицы, которая решилась бы атаковать человека, за исключением страуса, эму или казуара; орудие защиты, упот-

ребляемое этими птицами, нога, а не клюв. Простите, пожалуйста, если я позволю еще спросить вас...

— Профессор Равенден, одно только существо приближалось к убитому Сердгольму — и ноги у него оказались вооруженными пятью пальцами с большими когтями. — Я наскоро набросал на бумаге изображение виденного мною следа. — Вот следы, — сказал я, пододвигая бумагу к профессору.

Трудно представить себе более точного, хладнокровного и ученого до мозга костей человека, чем профессор Равенден, а между тем при виде моего рисунка глаза у него засверкали, на щеках появился легкий румянец; он приподнялся на стуле, взглянул на меня и сказал голосом, дрожащим от внутреннего волнения:

— Вы уверены, мистер Хайнс, вы совершенно уверены, что рисунок этот правилен?

— Если и есть какая-нибудь неточность, то разве в каких-нибудь мелочах. В главных и существенных частях своих рисунок этот представляет точный снимок со следов от входа в овраг до того места, где мы нашли тело.

Не успел я договорить, как профессор выбежал уже из комнаты. Он вернулся почти тотчас же назад, держа в руках довольно тяжелый плоский камень. Он положил его на стол и, взяв мой рисунок, сравнил его с оттиском, вдавленным глубоко в камень. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы узнать оттиск, настолько сильно запечатлевшийся в моем мозгу, что я мог бы так далеко увидеть его, как далеко могли видеть мои глаза.

— Тот самый, — воскликнул я со всем пылом восторга от сделанного мною открытия. — Птица, с ноги которой сделан этот слепок, и есть то существо, которое убило Сердгольма!..

— Мистер Хайнс, — сухо отвечал мне энтомолог, — это не слепок.

— Не слепок? — с удивлением спросил я. — Что же это такое?

— Это осколок камня мелового периода.

— Камня? — повторил я. — Какого периода?

— *Это осколок камня мелового периода...*

— Мелового... Существо, отпечаток ноги которого вы видите перед собой, ходило по этому камню еще в то время, когда он был мягкой тиной. Это могло быть десять или сто миллионов лет тому назад...

Я взглянул на камень и почувствовал, как мурашки пробежали по телу.

— Где вы нашли это? — спросил я.

— Это кусок каменного забора хозяина Стретона. Он, вероятно, достал эти камни на своем пастбище. Тот, кем сделан этот след, жил когда-то на этом острове, где мы теперь находимся с вами. Этот остров отделился от материка еще в незапамятные времена...

— Как называлась эта птица? — спросил я.

— Это была не птица, а ящер. Наука зовет его «птеранодоном».

— Мог он убить человека клювом?

— Первый человек появился много миллионов лет после него... так, по крайней мере, думают ученые, — сказал профессор. — Существовай, однако, в то время человек, он,

не зная еще никакого орудия, легко мог бы сделаться добычей такого громадного животного, как это. Птеранодон принадлежал к хищным животным. Руководствуясь тем, что нам удалось восстановить по найденным остаткам, можно сказать, что распростертые крылья этого ящера, сходные с крыльями летучей мыши, равнялись в поперечнике двадцати и более футам; клюв этого чудовища имел в длину четыре фута и действовал, как штык. Он был, бесспорно, таким же владыкой воздуха, каким на земле был его родственник — динозавр...

— Не хотите ли сказать мне этим, что это летающее чудовище, которое существовало биллион лет тому назад, вынырнуло вдруг из тьмы веков и явилось сюда в 1910 году, чтобы убить несчастного берегового сторожа, находившегося в каких-нибудь ста милях от Нью-Йорка? — воскликнул я.

Профессор ничего подобного не говорил мне. Я и не желал, чтобы мне говорили такие вещи, я желал, чтобы меня разуверили в этом.

— Я не говорил ничего подобного, — отвечал энтомолог. — Но если ваш рисунок правилен, мистер Хайнс... если он вполне точен... я должен вам сказать, что нет ни одной птицы в мире, которая могла бы оставить нарисованный на нем след, ибо науке неизвестны пятипалые птицы, и ни у одной из них нет такого ужасного клюва, чтобы убить человека. Единственное существо, которое, по научным данным, могло бы оставить такой след и убить человека, то есть было бы могущественнее человека, — это тигр воздуха, птеранодон. Я предполагаю, однако, что ваше волнение, вполне естественное в таких случаях, ввело вас в заблуждение, и ваш чертеж поэтому не верен.

— Желаете пойти со мной и посмотреть? — спросил я.

— Весьма охотно. Попрошу вас только помочь мне нести этот камень. Сначала поужинаем... Это будет, я думаю, лучше.

Ужин подан был на скорую руку. Мы зажгли фонарь, взяли с собой камень и направились к берегу, а затем повернули к западу. Приближаясь к холмам, мы увидели вдаль

огонь и услышали голос Кольтона, звавший нас. Он возвращался домой, но, увидев нас, присоединился к нам. Я поспешил рассказать ему о следах на песке, о чертеже и следах ископаемого.

— Профессор Равенден заставит нас, пожалуй, поверить, что Сердгольм был убит клювом чудовища, которое жило десять, сто или тысячу миллионов лет тому назад, — сказал я, стараясь казаться равнодушным. — Немного больше или меньше лет, это все равно.

— Вот что я скажу вам, — отвечал мне Кольтон серьезным и деловым тоном. — Он не был убит пулей. Рана нанесена ударом ножа с широким лезвием или чем-то в этом роде, — ножа, который с силой был брошен в него. Вскрытие трупа подтвердило это. Вы проиграли пари, Хайнс! Так вот, если вы действительно пришли к такому заключению, то нет ничего невозможного в том, что рана была нанесена тяжелым, острым клювом. Но... но... птеранодон... да неужели? О! черт возьми! Я думал, что птеранодоны все вымерли и погребены еще до того времени, как зародилась протоплазма, положившая начало появлению нашего праотца Адама.

— Наука предполагает, что они давно уже вымерли, — сказал профессор. — Но научные предположения считаются действительными лишь до тех пор, пока не будут опровергнуты новыми фактами. У нас до сих пор еще встречаются представители геологических эпох, пережившие своих предков. Так, в наших реках водится рыба, род щуки, ничем не отличающийся от своих предков, живших пятнадцать миллионов лет тому назад. Водяное животное пережило всю эту эпоху, почему не могло пережить ее и пернатое существо?

— О, подите! — сказал Кольтон. — Возможно ли, чтобы оно существовало и не было открыто?

— На северном полюсе, может быть, или на южном, — отвечал профессор. — В глубинах неисследованных островов или внутри земного шара. Географы привыкли говорить, что земля — открытая книга. Отбросив в сторону исключения, о которых я упомянул, нам остаются внутренние час-

ти земли, неизвестные и таинственные. Весьма возможно, что обширные подземные пещеры наделены всеми необходимыми условиями, при которых птеранодон и его страшные современники нашли подходящую для себя обстановку еще много лет тому назад.

— Как же он вышел оттуда?

— Сильные вулканические перевороты этого года могли открыть им выход.

— О, это уж слишком! — протестовал я. — Я был на Мартинике — и верьте мне, ничто не могло выйти живым из этого моря пламени и кипящих скал...

— Вы не поняли меня, — спокойно прервал меня профессор. — Я имел намерение указать вам на то, что извержения эти производят сильные землетрясения, вследствие которых образуются обширные трещины во многих отдаленных частях земли. Я допускаю возможность выживания птеранодона лишь как в высшей степени интересную вероятность. Сам же я лично, мистер Хайнс, просто думаю, что рисунки ваш неверны.

— Посветите-ка сюда, — отвечал я, опускаясь на землю и снимая камень, прикрывавший след. — Я хочу убедить вас, что я не ошибся.

Профессор поднес фонарь — и громко вскрикнул от удивления. Он стал на колени и сравнил след, сделанный сегодня, со следом на куске камня, сделанным много миллионов лет тому назад. Дыхание его сделалось более шумным и учащенным. Не могу сказать, чтобы и я дышал так же спокойно, как всегда. Когда же он поднял голову, лицо его нервно подергивалось, но голос звучал ровно.

— Прошу извинения, мистер Хайнс! — сказал он. — Рисунки ваш верны. Следы одни и те же.

— Но что это значит, ради самого Бога? — воскликнул Кольтон.

— Это значит, что мы находимся накануне величайшего открытия нашего времени, — сказал профессор. — Ученые до сих пор еще с презрением отвергают предположения, выведенные из упорно циркулирующей легенды о грифе и из универсального учения индейцев Северной Америки, не-

Я снял камень, покрывавший след.

смотря на то, что легенда о некоторых крылатых чудовищах, совершенно отличных от каких бы то ни было существующих и признанных всеми животных, подтверждается многими убедительными доказательствами. В 1844 г. на севере Англии найдены были после снежной ночи, как показывают достоверные свидетели, следы какого-то животного с висячим хвостом, которое летало над домами и другими зданиями, оставляя следы, сходные с теми, которые мы имеем перед собою. Существуют еще и другие примеры того же рода. Ввиду настоящего обстоятельства я сказал бы, что это был бесспорно птеранодон или несколько измененный потомок его, но все же довольно крупный экземпляр, так как следы его были значительно больше следов его ископаемых предков. Джентльмены, позвольте мне поздравить вас с открытием, которое, смело могу сказать, составит эпоху в науке!

— И вы надеетесь, что человек в здравом уме поверит такой вещи? — спросил я.

— Не думаю, — сказал Кольтон. — Но ввиду такого вещественного доказательства трудно не поверить этому.

— Слушайте, однако, — заметил я, чувствуя все время, что верчусь в каком-то круге, из которого не могу выбраться, — если это летающее животное, как объяснить тогда следы, которые тянутся к телу Сердгольма и в обратном направлении от него?

— По своему устройству, — отвечал мне профессор, — птеранодон не может быстро подниматься от земли. Он или ищет какого-нибудь крутого обрыва или скалы, с которых сразу бросается вперед, или быстро бежит по земле и, подскочив сразу вверх, расправляет широко крылья и летит. Спустившись вниз, он сперва пробегает некоторое пространство и затем уже останавливается. На основании этого мы можем предположить следующее: птеранодон находился на краю обрыва, собираясь совершить свой вечерний полет; внизу появляется человек; в птеранодоне пробуждается хищная натура его; он бросается вниз, быстро подбегает к человеку, бьет его своим ужасным клювом и возвращается, чтобы взобраться на гору и начать оттуда полет.

Я держал в это время один из более мелких камней в руке; я бросил его в сторону оврага и, повернувшись к профессору, сказал:

— Будь бы берег покрыт этими следами, я поверил бы этому. Это...

Мне не суждено было кончить своей сентенции. Откуда-то из темноты донесся до меня хриплый крик. В воздухе раздалось хлопанье тяжелых крыльев, и я почувствовал, что мною овладевает панический ужас... Как безумный бросился я под защиту обрыва, а за мною Кольтон. Только один профессор остался на своем месте, хотя голос его дрожал, когда он крикнул нам:

— Это обыкновенная болотная или короткоухая сова из рода *Asio*... Здесь она нередкое явление. Нам сегодня нечего больше здесь делать и, к тому же, мы до некоторой степени подвергаемся опасности в виду того, что птеранодон — животное несомненно ночное.

Сконфуженные, вернулись мы к нему. Всю дорогу домой я, вопреки своему здравому смыслу, находился под давлением невероятного ужаса при мысли о чудовище, парящем где-то там в темноте над нами.

Вот тот случай, который я старался изложить вам насколько мог яснее. Времени у меня будет достаточно для окончательного исследования его, ибо никто не может мешать мне заниматься этим делом, — ввиду уединенного положения места, ввиду того, что относительно следов птеранодона никому неизвестно, кроме нас троих.

Теперь 4 часа утра, и я спешу отослать письмо свое с первым дилижансом, который отправляется в город. Затем я посплю часа два, после чего отправлюсь к месту происшествия, чтобы застать следы еще нетронутыми. Может пойти дождь и смыть их, за исключением тех, надеюсь, которые я прикрыл камнями. Профессор Равенден пишет в настоящее время монографию о потомке птеранодона, пережившем своих предков. На основании этого можно составить хорошую статью для газеты. Если он находит возможность подтвердить тожество, почему мы не можем сделать того же?

Настоящий, право, кошмар... бесформенный, неосязаемый. Могу себе представить, что вы подумаете теперь. Не воображайте только, пожалуйста, будто я потерял весь свой здравый смысл. Я в трезвом уме и памяти, также как Кольтон, и, по всей вероятности, наш профессор Равенден. Факты в точности описаны мною. Жизнью своей готов пожертвовать, если окажется, что следов нет. Все сводится к следующему, мистер Клер: птеранодон или не птеранодон, — но так же верно, как и то, что меня зовут Хайнс, существо, убившее Павла Сердгольма, никогда не ходило на человеческих ногах.

*Искренне преданный вам
Гарри Хайнс.*

Р. S. Завтра я пошлю купить себе ружье и, если здесь живет где-нибудь странное летающее существо, я постараюсь убить его.

Документ № 2.

Телеграмма. Монтаук, 8 час. у. Сент. 21. 1910. Джону Кле-ру, редактору-издателю «Новой эры», Нью-Йорк.

Хайнс убит таинственно на взморье сегодня утром. Удар нанесен в область сердца. Пришлите инструкции.

*Проф. Равенден.
Стенфорд Кольтон.*

Документ № 3.

Извлечение из письма Кольтона к отцу в Нью-Йорк.

Сентября 21.

Спешу, дорогой отец, познакомить тебя с историей о птеранодоне. Тебе, как человеку деловому, все это, пожалуй, покажется достойным смеха. Ты, я думаю, ни на один цент не держал бы пари за существование птеранодона, поверив на слово ученому идеалисту-теоретику, который основывает свое предположение на странных следах, найденных на взморье. Ты прав, так по ступил бы и я. Тем не менее, я перетрусил и бросился бежать, как безумный, когда из оврага вылетела сова. Не думаю, чтобы и ты не потащил нас за собою, будь ты здесь вместе с нами.

Вернемся, однако, к Хайнсу. Я последний человек в мире, говоривший с ним. Я спал очень беспокойно, а потому слышал, когда он в шесть часов утра прошел через комнату мимо меня.

— Это вы, Хайнс? — спросил я.

— Да, — сказал он. — Я иду на взморье.

— Подождите минут пятнадцать и я пойду с вами, — сказал я.

— Если вам не особенно хочется идти, Кольтон, то лучше не ходите. Я хочу сначала отправиться туда один. Пос-

ле завтрака я не прочь, чтобы вы пришли и присоединились ко мне.

— Хорошо, — отвечал я. — Вы вправе поступать, как хотите. Всего лучшего! Да погодите же минуту! Получили вы ружье?

— Нет! — отвечал он.

— Возьмите тогда мой револьвер, — сказал я.

— Вы видели, должно быть, худые сны, — засмеялся он. — Зато я хорошо отдохнул, и крепкий сон выгнал из моей головы фантастическую птицу профессора. Не думаю, во всяком случае, чтобы револьвер мог помочь мне против такого чудовища... Не правда ли? Премного обязан вам, Кольтон.

Я встал тем временем и подошел к дверям.

— Желаю вам успеха! — сказал я и вслед за этим, побуждаемый каким-то странным чувством, выбежал за дверь и крепко пожал ему руку.

Он с удивлением взглянул на меня, точно смущенный какою-то мыслью, и затем сказал:

— Часа через два мы увидимся с вами.

С этой минуты сон не существовал больше для меня. Я пробовал» заснуть, но не мог. Семья Стретона замерла от удивления, когда в семь часов утра я появился к завтраку. Полчаса спустя я вышел, чтобы отыскать Хайнса, и направился прямо па взморье. По следам я видел, что Хайнс шел здесь передо мной. Что-то тяжелое было в неподвижной атмосфере этого утра: густой туман мешал, казалось, не только видеть, но и слышать. С тяжелым сердцем и как-то неохотно двигался я вперед. Когда я подошел к тому месту, откуда начинался поворот в сторону от холмов, открывавший вид на весь берег, я окликнул Хайнса, но ответа не получил. Я крикнул еще раз — и снова не получил никакого ответа; мною овладело томительное ощущение страха при мысли, что я один, и я ускорил шаги. Я обошел холмы и взглянул вперед...

То, что я увидел перед собой, сразило меня, как громовой удар. На том самом месте, где мы нашли Сердгольма, лежал скорчившись человек. Хотя лицо его было скрыто, я

сразу узнал, что это Хайнс. Во мне сначала заговорило дурное чувство; я бросился бежать и пробежал несколько шагов, прежде чем сознал весь стыд такого поступка. Благодарение Богу, я пришел в себя и остановился. Повернувшись назад, я споткнулся ногой о камень. Хотя оружие это было не из важных, но я решил, что лучше что-нибудь, чем ничего. Я поднял его и направился к лежавшему телу.

Лицо его было скрыто...

Хайнс был убит против оврага. Оружие, которым его убили, было с невероятной силой брошено сзади и прошло сквозь ребра. Десяток неверных, беспорядочных следов указывали, откуда он бросился вперед, прежде чем упасть. Рана была нанесена в сердце, и он умер, надо полагать, почти вслед за ударом. Последние шаги его были бессознательные — инстинктивное желание избежать смерти. Тот, кому приходилось видеть такие вещи, не мог ошибиться, что удар нанесен сзади. Хайнс был убит, как и Сердгольм. За что? Какой мотив руководил убийцей, когда он убивал этих двух

человек, которые никогда не знали друг друга, и были так противоположны друг другу! Нет, общих мотивов здесь не могло быть; тут была только жажда крови, страсть к убийству. У меня сразу мелькнула в голове мысль о птеранодоне, как его описал нам профессор. Я подбежал к тому месту, откуда Хайнс бросился вперед. Начиная отсюда, шла двойная линия следов пальцев с когтями... Кругом песок был чистый и нетронутый.

Мною овладел такой ужас, что я потерял всякую способность соображать. Я почувствовал вдруг инстинктивное стремление к воде; войдя в нее по самое колено, я опустил-ся на четвереньки и не только окунулся с головой, но выпил даже несколько больших глотков соленой воды. Это вызвало сильную рвоту, благотельно подействовавшую на мой мозг. Ко мне вернулась способность владеть собою, и я отправился к телу Хайнса. С невероятным отвращением всматривался я в небо, думая увидеть там крылья; я стал карабкаться на верхушку утеса, чтобы лучше осмотреть окрестности, и колени мои три раза подгибались, пока я наконец не свалился обратно в овраг. Ничего решительно не было видно. Я снова вернулся к телу... Теперь я еще больше овладел собою. Осмотрев тело, я убедился в том, что Хайнс умер приблизительно час тому назад. Мне ничего не оставалось больше делать, как вернуться домой, что я и сделал с возможною для себя скоростью.

Не нахожу нужным говорить о последовавших за этим формальностях. Скажу только, что я считал необходимым придерживаться метода Хайнса и решил поэтому навести справки о поведении Шенка, берегового сторожа, в это утро. Оказалось, что с шести часов утра до восьми он был на станции. «Alibi» его было вполне установлено. В убийстве бедного Хайнса он не принимал никакого участия. Это еще более подтверждало непричастность его к делу Сердгольма. Оба преступления совершены были, несомненно, одним и тем же лицом.

Профессор Равенден вполне убежден теперь, что птеранодон или какой-то другой, хотя и несколько измененный потомок последнего, совершил эти убийства. Я употребляю

Я поднял камень...

все силы свои, чтобы не верить этому, и несмотря на это, в глубине всех моих предположений копошится, против желания моего, мысль о существовании такой гнусной штуки. Одно только я знаю, что ничто не заставит меня выйти на взморье сегодня вечером. Завтра утром я отправлюсь туда с профессором, который написал сегодня монографию о пережившем своих предков птеранодоне. Она поразит весь ученый мир. Не беспокойся обо мне, пожалуйста! Я приму завтра все предосторожности.

*Преданный тебе сын
Стенфорд.*

Р. С. Отец, не можешь ли ты сделать что-нибудь для семьи Хайнса? Не по части финансов — я не думаю, чтобы она нуждалась в этом. Если все члены его семьи походят на него, они не согласятся принять что-нибудь. Пойди только навестить их и скажи, как много сожалеем мы о нем здесь, скажи, что он умер в поисках истины. Я писал им, но ты больше моего можешь сделать на месте.

Документ № 4.

Показание Кольтона по делу о преступлении, совершенном 22 сентября 1910 года.

Пишу по просьбе профессора Равендена, который хочет присоединить это показание к отчету о трагедии в Монтаук-Пуанте. Утром, на следующий день после убийства Хайнса, я отправился на взморье против оврага. Было семь часов, когда я подошел к тому месту, где были найдены оба трупа. Профессор Равенден должен был сопровождать меня. Он вышел, когда я сидел еще за завтраком, вследствие недоразумения относительно назначенного часа. Он отправился в обход и прибыл на место только после моего прихода, как это будет видно из его отчета. Я же направился прямо к берегу. За поясом у меня торчал сорокапятикалиберный револьвер.

Придя на место, я тщательно осмотрел песок. Он весь был покрыт следами людей, приходивших вчера за телом Хайнса. По направлению к мягкому песчаному взморью и ко входу в овраг следы не были уничтожены, несмотря на то, что прошел небольшой дождь. Первым делом моим было хорошенько осмотреться, нет ли поблизости какой-нибудь опасности. Довольный тем, что мне ничто не угрожает, я занялся исследованием песка. Нигде не было свежих следов. Пятипалые следы были во многих местах почти так же ясны, как и накануне. Благодаря незначительному населению и медленному распространению новостей, сюда явля-

лось очень мало посетителей, да и те были так осторожны в своих движениях, что нисколько не затоптали следов.

Я почувствовал болезненный удар...

Чтобы ближе рассмотреть их, я стал на четвереньки. Тут была разгадка тайны, умей я только прочесть ее. Следы были во всех отношениях сходны с рисунком Хайнса и отпечатком на камне профессора Равендена. Я простоял на четвереньках минуты две-три, ломая голову над разными предположениями. Затем я встал и в то время, как я стоял и смотрел вниз, у меня в голове блеснула вдруг разгадка. Я бросился ко второму следу и в эту минуту услышал свист позади себя. Я сразу догадался, что это какой-то летящий предмет, догадался, что мне грозит гибель и наступает пора взглянуть в лицо смерти. Вслед за этим я почувствовал страшный, болезненный удар; из глаз у меня посыпались искры... Я упал — и все погрузилось во тьму.

Документ № 5.

Объяснение профессора Равендена о событиях сентября 20, 21 и 22, 1910 г., сопровождавших смерть Сердгольма и Хайнса и покушение на убийство Кольтона.

Отчет о событиях трех дней сентября 20, 21 и 22 в Монтаук-Пуанте, в который входит описание и собственного моего приключения в этот день, я пишу с глубоким прискорбием и полным порицанием поведения своего, которое считаю недостойным человека с хорошо уравновешенным интеллектом. Тяжело рассказывать мне о том, какие сильные страсти овладели мною в самый момент развязки: горе, страх, ужас и в конце концов зверское бешенство, которое навсегда оставило постыдное воспоминание в душе моей. Но довольно об этом. Все, что дальше здесь следует, рассказано с наивозможною для меня точностью и с должной оценкой всех событий, без лишних комментариев по поводу моих чувств и теорий.

После смерти моего уважаемого молодого друга мистера Хайнса, я произвел самый тщательный осмотр всего места вблизи его тела. Здесь я нашел следы того же существа, которое незадолго до того убило Сердгольма. Не только размер и глубина выемок, но и промежутки между ними с поразительной точностью соответствовали замеченным при первом исследовании. Тот факт, что науке неизвестны пятипалые птицы, заставил меня принять во внимание других крылатых животных, так как, во всяком случае, нельзя сказать, чтобы предположение мое о возможности выживания птеранодона не оправдывалось никакими научными данными.

Сопоставив мои исследования с обстоятельствами, сопровождавшими смерть мистера Хайнса, я вернулся в дом и занялся составлением монографии о замечательных событиях. На это произведение я употребил время после обеда и вечер, за исключением небольшого промежутка времени, посвященного мною письму к огорченной семье мистера

Хайнса, в котором я, желая успокоить ее, упомянул, что он умер, стоя на страже научных исследований. Преследуя задуманное нами намерение, мы с мистером Кольтоном решили посетить на следующий день рано утром место, где разыгрались две трагедии. Вследствие недоразумения относительно плана действий, я вышел из дому несколько раньше, думая, что он уже ушел. К месту происшествия я отправился, придерживаясь направления холмов, а не по взморью. Не успел я выйти из дому, как из травы, по которой я шел, вылетел вспугнутый мною чудный экземпляр бабочки Аргус, разновидности которого я изучаю в настоящее время. Сетка моя была, само собою разумеется, со мною, я рассчитывал на нее, кроме того, как на орудие защиты, так как палка, к которой она привязана, довольно массивна.

Последующие события показали мне, насколько я был виновен, заинтересовавшись предметом, который заставил меня уклониться в сторону и не исполнить таким образом данного слова встретиться с мистером Кольтоном. Побуждаемый инстинктом, я бросился преследовать насекомое. Хотя виды эти, как давно уже известно, обладают необыкновенной силой полета и в состоянии продержаться на воздухе дольше всех чешуекрылых, я все же надеялся, что мне скоро удастся поймать его ввиду довольно прохладного утра. Как бы поддразнивая меня, насекомое спускалось время от времени, но всякий раз, когда я приближался к нему, снова взлетало на воздух. Оно заставило меня таким образом описать большой полукруг и уклониться на целую треть мили внутрь страны, прежде чем мне удалось, наконец, поймать добычу. Положив его в банку с цианкали, которая висела у меня через плечо, я поспешил обратно, втайне упрекая себя за свое увлечение. Спешить приходилось еще более в виду того, что с юга надвигались целые облака тумана. Направляясь к ближайшей границе холмов, я пришел туда раньше надвигавшегося тумана. Первое, что мне бросилось в глаза сквозь промежуток среди холмов, было распростертое тело Кольтона, лежавшее на том месте, где были убиты Сердгольм и Хайнс...

Я должен сказать, нисколько не преувеличивая, что в первую минуту совершенно окаменел. Затем ко мне вернулось прежде всего сознание своей вины и ответственности. Как безумный, бросился я бежать вдоль линии холмов, спустился в углубление между ними, где взморье скрылось на время у меня из виду, затем поднялся вверх и очутился на верхушке обрыва, несколько восточнее от оврага. Туман между тем быстро надвигался, и когда я добрался до окраины холмов, он, подобно серой мантии, скрыл от меня лежавшее тело. Я был уже на вершине оврага, когда увидел какую-то чудовищную, непонятную мне фигуру, которая медленно двигалась по песку... сетка выпала у меня из рук, и громкий крик вырвался из груди. Среди серых облаков тумана фигура эта принимала самые невероятные образы. Вдруг она, к великому удивлению моему, свернулась вдвое, образовав плотную массу, перевернулась — и глазам моим представился человек самого ужасного вида, но во всяком случае человек, с которым, следовательно, можно было бороться. В следующую за этим минуту я увидел на песке, непосредственно почти под Кольтоном, большой нож с необыкновенно длинным лезвием и огромной рукояткой. К этому ножу и направлялся неизвестный, когда крик мой донесся до его слуха. Он вдруг остановился против того места, где я стоял, широко открыв глаза и, как зверь, оскалив зубы.

Времени нельзя было терять, ибо о спуске через овраг нечего было и думать. Ничего не оставалось больше, как спуститься через обрыв; если Кольтон был еще жив, то единственное средство спасти его было добраться к нему раньше, чем неизвестный схватит нож. Не успела у меня мелькнуть эта мысль, как я бросился вниз, почувствовав невыразимый ужас, когда очутился в воздухе среди тумана. К счастью для себя — ибо кости хрупки в шестьдесят лет — я упал на мягкий песок. Быстро поднявшись на ноги, я бросился вперед, гонимый страхом, несясь по склону к тому месту, где был неизвестный. На лице его и в глазах ясно было видно, что он страдает манией убийства. Но теперь, когда он повернулся ко мне, лицо его приняло вдруг выра-

Я увидел чудовищную фигуру....

жение испуганного зверя. Я крикнул еще раз, чтобы привлечь на себя его внимание. Моим единственным желанием было добежать к нему раньше, чем он доберется до ножа и Кольтона.

Маньяк присел на корточки, увидев, что я бегу к нему. Считаю долгом признаться, что мною овладел дикий восторг, когда я заметил, что на стороне его нет преимуществ ни в росте, ни в силе. Хотя я человек невысокого роста, но должен сказать, отличаюсь мускулистым, сильным сложением благодаря почти постоянному пребыванию на чистом воздухе, а потому я не чувствовал особенного беспокойства относительно исхода дела. Мы сошлись. Но когда я испробовал на себе силу мускулов своего противника, я понял вдруг, что имею дело с силою человека безумного. С минуту мы оставались неподвижны, причем я придумывал, как бы мне схватить его так, чтобы заставить подняться на ноги, — как вдруг он с громким криком потянулся к моему плечу и так впился зубами в мое тело, что сразу прокусил его до самой плечевой кости.

Весьма возможно, что это спасло мою жизнь и жизнь Кольтона, ибо вслед за этим нападением мною овладело такое же безумное бешенство, как и моим противником, и я, всю свою жизнь придерживавшийся строго научного воздержания от всяких волнений жизни, превратился, к стыду своему, в дикого зверя. Кровь закипела во всех моих жилах, и сила превратила мускулы мои в стальные веревки. Схватив за горло своего противника, я пытался оттащить отвратительное лицо его от своего плеча. Правая рука моя, которую я откинул назад, собираясь нанести удар, нащупала веревку с привязанной к ней банкой. С громким криком схватил я это довольно тяжелое орудие и стал наносить им противнику удары по голове. Он выпустил меня из рук. Я отскочил от него, затем набросился на него и повалил его на землю. Банка разбилась; в припадке своего зверского экстаза я забыл об образчике *Pseudargiolus*, который вместе с осколками упал в песок.

Я продолжал держать в руке остатки бутылки. Голова моя закружилась... Я пошатнулся и упал, но у меня настоль-

— Ради Бога, профессор, не убивайте этого несчастного!

ко сохранилось еще сознание, чтобы понять, что состояние мое происходит от действия смертоносных испарений циана, — и я отбросил остатки последнего подальше от себя. Мозг мой покрылся каким-то туманом, и я не мог ничего сообразить. Увидев сидевшего Кольтона, я подумал, что это галлюцинация. Кольтон умер, Кольтон умер, твердил дух убийства в моей голове. Мне остается убить его убийцу. Все заходило кругом меня... я стал на четвереньки и пополз к противнику. Видя, что Кольтон вскочил и бежит ко мне, я пришел в еще большее бешенство. Я боялся, что он помешает мне, прежде чем я кончу свое дело. Все лицо моего противника было покрыто кровью, его кровью и моей, — когда я схватил его за горло. Еще минута — и на душе моей было бы убийство человека. Но чья-то рука схватила меня, и я услышал голос, говоривший мне:

— Ради самого Бога, профессор, не убивайте этого несчастного!

Рука моя разжалась. В следующую минуту я почувствовал, что лежу на спине и вижу над собой бледное лицо

Кольтона. Я сказал, вероятно, что-нибудь, потому что Кольтон обратился ко мне, как бы отвечая на мои вопросы:

— Все благополучно, профессор! Нет здесь ни *Pseudargiolus*'а, ни птеранодона, и ничего подобного. Полежите минуту покойно.

Тут я вспомнил, что потерял свою драгоценную находку.

— Пустите меня, я хочу встать! — крикнул я. — Я потерял ее... Она упала, когда бутылка с ядом разбилась.

— Полно, полно, — сказал он ласковым голосом, каким успокаивают обыкновенно больных, — погодите...

— Я говорю о моем образчике *Pseudargiolus*'а, — сказал я. Туман в голове моей начинал проясняться и ко мне вернулись смутные воспоминания о случившемся. — Птеранодон? — спросил я, озираясь кругом.

— Вот он! — засмеялся Кольтон, указывая на покрытую кровью фигуру, лежавшую на песке.

— Но следы ног! Следы! Отпечаток ног ископаемого на камне!

— Следы ног на камне? Это следы рук!..

— Рук? — повторил я. — Расскажите мне все пояснее. Я дошел до такой степени оупения, к которому совсем не ифивык.

— Ничего удивительного, сэр! Вот в чем дело: я понял все до того, как мне нанесли удар. Этот человек паяц, двоюродной брат Сердгольма. Он несколько помешался после удара, нанесенного ему последним, и все время, вероятно, поджидал случая убить Сердгольма. Он спрятался за этим большим камнем у входа в овраг и ждал его. Вы видели, конечно, как мечут ножи клоуны в цирке... таким-то именно способом он убил Сердгольма. Несмотря на свое помешательство, он понял, что следы могут его выдать, а потому, вспомнив свои подвиги в цирке, прошел на руках за ножом.. Весьма возможно, что его навели на эту мысль следы бекасов и куликов, которые видны везде кругом.

— Но мистер Хайнс? И вы сами?

— Не знаю, почему он задумал убить нас; может быть, боялся, что мы узнаем его тайну. Я избавился от смерти лишь благодаря тому, что бросился бежать в сторону, ког-

да он метнул нож... Брошенное неверно орудие перевернулось, и тяжелая рукоятка его, ударив меня по лбу, оглушила меня.

Тут послышался стон клоуна, и мы занялись тем, чтобы привести его в чувство.

В настоящее время он находится в больнице и есть надежда на его выздоровление. Мистер Кольтон также оправился после своего приключения; я также, хотя у меня осталось не особенно удобное затвердение мускулов в том месте правого плеча, где оно было укушено. Я действую теперь левой рукой, когда является необходимость пускать в ход сетку для ловли насекомых. После долгих поисков мне все же удалось найти остатки образчика *Pseudargolius*'a с одним почти нетронутым крылом. Он еще может быть объектом при изучении строения этих видов. Моя монография о птеранодоне не была, само собою разумеется, напечатана. Но тем не менее я считаю нужным подтвердить, что существование этого животного все же возможно в границах научных предположений.

Проф. Равенден.

Карл Грунерт

ЯЙЦО АРХЕОПТЕРИКСА

В кабинете старого профессора Дилювиуса по-прежнему ярко горела настольная лампа.

За плотно закрытыми жалюзи первые лучи утреннего рассвета уже осветили окрестности. Тем не менее, старый профессор продолжал работать. Какая-то редкая и чрезвычайно интересная находка, видимо, заставила ученого совершенно забыть об окружающем мире и о себе самом.

Профессор Дилювиус был директором палеонтологического отделения Музея естествознания. Его исследования ископаемой фауны, в особенности же касавшиеся динозавров, были признаны в нескольких областях эпохальными...

Настоящий кабинет профессора располагался на первом этаже музея, и только самые необычные обстоятельства могли подвигнуть его заняться обработкой палеонтологической находки у себя дома.

Да, чудесное, необычайное ископаемое лежало сейчас перед ним, и руки профессора — все еще искусные и уверенные, несмотря на преклонный возраст ученого — прилежно высвобождали его из камня.

Профессор, меняя подобные резцам инструменты, работал над плитой литографического известняка неправильной формы, добытой близ Айхштета. Осторожно и очень бережно, начав с края, он удалял один за другим слои известняка, пока не достиг отмеченного карандашной окружностью места.

Что за странное, допотопное существо покоилось, оканув, в отложениях известкового сланца?

Целая гора каменных осколков уже громоздилась перед профессором, и все-таки он не давал отдыха усталым пальцам и горящим глазам — снова и снова атаковал плиту, то и дело применяя новые инструменты.

Граухен, великолепная серая кошка, уютно разместившись в кресле, удивленно наблюдала за непонятной ночной деятельностью хозяина. Она досталась профессору от покойной жены, которая когда-то нашла в прихожей беспомощного маленького котенка, полумертвого от голода. Кошка всеми силами пыталась привлечь внимание профессора: сперва мурлыкала, затем тихо мяукала, но все было

напрасно; наконец, досадливо помаргивая, она закрыла глаза.

Где-то рядом пробили часы. Профессор Дилювиус прислушался и внимательно сосчитал удары.

— Четыре утра! — произнес он. — Я тружусь уже двенадцать часов и, кажется, самая грубая часть работы закончена. Теперь нужно быть вдвойне, втройне осторожным!

Он вновь начал царапать и долбить плиту, и каменные осколки, вылетавшие из-под резца, становились все меньше и меньше. Теперь он действовал с помощью стальных инструментов самого малого размера.

В полнейшей сосредоточенности он проработал таким образом почти два часа. Внезапно острое резца откололо сравнительно крупный фрагмент камня...

— Вот оно! — вскричал профессор Дилювиус.

Над плитой показалась верхушка яйцевидной окаменелости...

— Приветствую тебя, радостный дар миллионов ушедших лет! — ликовал старый профессор, в восторге хлопая в ладоши и подскакивая то на одной ноге, то на другой.

— Приветствую тебя, подарок *rara avis*! Колумбово яйцо и — даже яйцо Леды — лишь тень в сравнении с тобой!

Он поднес камень ближе к лампе и высоко поднял зеленый абажур.

— Каким невзрачным оно кажется! Как любая вещь, чья ценность сокрыта внутри, а не вовне! — Серо-зеленое с черными крапинками! — Кто мог бы предположить, что яйцо это было снесено в те времена, когда на нашей планете еще не появились люди... отложено созданием, что было ящерцей и — мечтало стать птицей!

Он вновь поспешно взялся за инструменты и начал извлекать предмет из известковой гробницы. И пусть первый взгляд на долгожданную находку вдохновил и потряс его до глубины души, руки продолжали работу с железным спокойствием и хладнокровием, направляемые осторожным, взвешивающим взором острых серых глаз, пока округлый предмет не появился в целостности и сохранности перед ним — яйцо первоптицы, археоптерикса! — И только после этого ученый

позволил себе отвлечься и еще раз перечитать сопроводительное письмо, которое направил ему вместе с ценной палеонтологической находкой молодой друг и бывший ученик, доктор Финдер.

Письмо гласило:

Айхитет, 5 июля 19.. г.

Дорогой и уважаемый господин профессор!

Посылаю Вам с этим письмом находку, которая, как представляется в настоящий момент, сможет занять уникальное место в собрании нашего музея: окаменевшее яйцо, каковое, судя по месту его обнаружения (оно было найдено здесь, в известняковом карьере на Блюменберге), вероятней всего, принадлежит *Archaeopteryx lithographica*. Исследование посредством новых У-лучей показало лишь, что внутри сланцевой плиты находится прекрасно сохранившееся яйцо. Я отметил местонахождение находки карандашом на верхней и нижней сторонах плиты, что по крайней мере даст некоторое указание на ее расположение в камне.

К сожалению, наиболее трудную работу, связанную с извлечением яйца, мне придется предоставить Вам, глубокоуважаемый профессор. Вы знакомы с моей работой в местных известняковых карьерах и знаете, что она не оставляет мне времени для столь непростого дополнительного труда. Однако, Ваши искусные руки справлялись в прошлом с гораздо более трудными задачами. Надеюсь, со своей стороны, что любовь и уважение, которые я питаю к Вам, не останутся незамеченными Вами, несмотря на то, что подарок мой еще скрывает каменная упаковка.

Ваш благодарный ученик,
доктор Финдер

Р. С. Как жаль, что невозможно «высидеть» это яйцо! — Полагаю, однако, что оно для этого недостаточно «свежее»?!

Глаза старого ученого вновь и вновь возвращались к этому постскрипту. Невероятная мысль пришла ему на ум: не может ли шутка о «высиживании» яйца обернуться правдой?

Шум у двери прервал его размышления. Вошла Паулина, пожилая экономка профессора. Пораженная, она выронила ведро и швабру и в ужасе воздела руки над головой.

— Но... профессор, профессор! Если бы только ваша покойница-жена это видела! Вы *все еще* сидите над своим куском камня? И до сих пор даже не ложились? Ах, дорогой профессор, когда человеку за семьдесят...

— Да-да, вы правы, дражайшая Паулина! Но бывают исключения — вот почему я нынче работал всю ночь. Прошу вас, проявите благоразумность и больше меня не попрекайте — а лучше принесите мне самую большую чашку превосходного кофе, какой только вы умеете варить, Паулина!

Подхватив ведро и швабру и покачивая головой, старая, преданная экономка удалилась.

Профессор Дилuviус вновь обратился к необычайной находке. Он бережно взял в руку яйцо археоптерикса и начал разглядывать его при свете настольной лампы. Яйцо отличалось равномерной непрозрачностью, как если бы скорлупа его была толще и плотнее, чем у яиц современных птиц. Профессор вспомнил крестьянское средство и поднес драгоценное яйцо к губам — сперва одним концом, после другим.

В восторге и страхе он чуть не выронил яйцо из рук.

Один конец показался ему теплее другого!

Кровь затрепетала в его висках от внезапного волнения. *Неравно* теплые половины! Быть может, это галлюцинация...

Утро мерцало в щелях жалюзи. Профессор поднял их и погасил свет в комнате. Затем он несколько раз прошелся взад и вперед, открыл окно и глубоко вдохнул душистый весенний воздух. Он должен был снова овладеть собой, вновь полностью подчинить себе все чувства, прежде чем приступить к решающему исследованию находки.

Паулина вернулась и принесла ароматный утренний напиток. Вид ее доброго, несколько простоватого лица и глоток коричневой влаги успокоили профессора. Быстро решившись, он протянул экономке драгоценное яйцо первотпцы.

— Проверьте-ка, дражайшая Паулина, свежее ли это яйцо. Представьте себе, что держите яйцо курицы. Только, прошу вас, осторожно, осторожно!

Паулина подвергла яйцо тому же испытанию, что и профессор несколько минут назад — с той разницей, что простая кухарка обладала куда большим опытом.

— Еще свежее, господин профессор! Сварить его вам? Это какое-то экзотическое лакомство, не так ли?

Обеими руками престарелый профессор схватил чудесное сокровище.

— Нет! О, нет! Бога ради, Паулина! Это яйцо подобного птице существа, которое жило на земле много, много тысячелетий назад.

— Но яйцо еще свежее, ручаюсь вам в этом, господин профессор! А теперь позавтракайте и приведите себя в порядок, если не собираетесь ложиться!

С этими словами Паулина вышла из комнаты.

Профессор опять взял в руки яйцо. Последняя проверка.

Никаких сомнений! Один его конец определенно теплее другого. Паулина была права: яйцо «еще свежее». По весу оно едва превосходило куриное яйцо средней величины — по некоей непонятной причине, следовательно, содержимое не могло быть окаменевшим! Вероятно, мельчайшие частицы известкового ила юрского моря герметически закупорили все поры скорлупы; бактерии, вызывающие разложение, не смогли проникнуть внутрь и содержимое сохранилось, словно в консервной банке...

Но тогда! — Тогда можно поместить яйцо на созревание в инкубатор! И это также означает, что белок еще жизнеспособен, в силах развиваться — невзирая на непредставимо долгое время, что яйцо пролежало в окаменевшем известковом иле Айхштета! Мысли в голове профессора снова забегали с безумной быстротой...

Тогда его ожидает неопишемое счастье: он увидит, как из чудесного яйца вылупится живая первоптица, настоящий археоптерикс во плоти!

На счастье, Паулина давно ушла и не увидела индейский танец, который профессор принялся выплясывать среди

чинной мебелировки кабинета. Должно быть, Граухен, чей мирный сон был вновь потревожен, удивилась еще больше — но хранила молчание.

Несколько часов спустя профессор Дилювиус, воспользовавшись услугами служителя палеонтологического института, раздобыл инкубатор, установил аппарат и бережно поместил внутрь драгоценное яйцо археоптерикса. Первоптицы юрского периода, вероятно, сами не высиживали яйца, так как обладали сравнительно редким оперением, но предоставляли это нашей всемогущей матери — солнцу; поэтому точное соблюдение температуры инкубации было невозможно даже в природе. Следовало только не превышать предельный уровень температуры (около 60°), потому что иначе белок начнет сворачиваться. Заранее установленная максимальная температура инкубатора, обогреваемого лампой, регулировалась с помощью автоматического механизма. Когда температура достигала предельно допустимого уровня, аппарат либо подавал наблюдателю сигнал тревоги, либо же автоматически ограничивал приток тепла и тем самым снижал температуру. Последний метод применялся чаще. Профессор Дилювиус, однако, доверял себе намного больше, чем самому современному автоматическому устройству; вследствие этого, он переключил аппарат на «тревогу», собираясь регулировать температуру вручную, если она превысит допустимый уровень. Он с тревогой и страхом думал о ночных часах, когда придется доверить драгоценное сокровище автоматическому механизму инкубатора. На мгновение ему пришла в голову мысль установить круглосуточное дежурство и, покада яйцо созревает, делить его с Паулиной — но он не осмеливался предложить нечто подобное старой, преданной экономке, хотя сам охотно наблюдал бы за инкубатором все ночные и даже половину дневных часов.

Необходимо было, однако, посвятить Паулину в некоторые секреты работы инкубатора. — Профессор позвал экономку и вкратце разъяснил ей принцип действия механизма. Недоверчиво улыбаясь, усердная Паулина глядела на странный ящик — и ее улыбка становилась даже немного насмешливой, когда она посматривала на престарелого про-

фессора, пылко излагавшего таинственный план.

— И птенец без всякой наседки вылупится из яйца?

Профессор кивнул.

— Кто же проклюнет дыру в скорлупе, когда яйцо созреет, господин профессор?

Профессор развеял ее опасения и к своей радости убедился, что она усвоила методы, посредством которых температура поддерживалась на нужном уровне.

— Долго ли жестяная курица будет высиживать цыпленка? — спросила она, уходя.

— Подождем и увидим, Паулина. Но надеюсь, не дольше, чем курица из мяса и перьев!

С тех пор профессор Дилювиус жил только ради археоптерикса. Поглощенный мыслями о предстоящем «радостном событии», он забывал о еде, питье и сне.

Старая Паулина была вне себя от отчаяния. Напрасно она готовила хозяину самые вкусные блюда, напрасно уговаривала его, в память о «покойной госпоже профессорше», позаботиться о дряхлеющем теле и хоть немного отдохнуть.

Три дня и три ночи подряд профессор Дилювиус просидел перед «жестяной курицей». На письменном столе лежала раскрытая книга с превосходным изображением *Archaeopteryx lithographica* («Палеонтологические труды» Дамеса и Кайзера, т. 2, вып. 3, 1884).

— Какой чудесной находкой является даже этот великолепной сохранности отпечаток из сланцевых карьеров Зольнхофена! — бормотал он. — В те дни германская империя выложила 26,000 марок за плиту с археоптериксом — но я, если счастье мне улыбнется, окажусь единственным в мире обладателем *живого* экземпляра! Как мне будут завидовать! Мои дражайшие и недоверчивые коллеги сбегутся со всех концов света, чтобы посмотреть на фантастическую птицу! И что только мне не предложат за нее! Но никаких денег в мире не хватит! Не хватит всего золота земли!

Этим горделивым утверждением старый ученый завершил свой дифирамб первоптице, которая постепенно развивалась в яйце под воздействием живительного тепла.

Негромкое мурлыканье зазвучало в кабинете и одновременно профессор почувствовал, что о его ноги трется Граухен. Лаская кошку, он гладил рукой ее спинку, пытаясь немного искупить прежнее невнимание. Затем, однако, он сказал:

— Придется тебе привыкнуть на какое-то время к жизни на кухне, дражайшая Граухен! Хотя ты и очень благовоспитанная кошечка, под твоей мягкой, восхитительной шерсткой все-таки таится хищник, и более того, хищник, который очень любит маленьких птенцов!

Граухен хотела было запрыгнуть к нему на колени, занять место, принадлежавшее ей годами, но профессор отмахнулся от нее, встал и открыл дверь, собираясь прогнать кошку прочь.

В этот момент на пороге появилась Паулина.

— Дражайшая Паулина, кошку некоторое время нельзя будет пускать в кабинет. Думаю, у вас на кухне она будет в надежных руках.

— Конечно, профессор — как пожелаете! — Профессор, я хотела спросить, справитесь ли вы сами несколько часов; мне хотелось бы ненадолго отлучиться к родным...

— Ступайте, Паулина, ступайте! Но к вечеру вы, я смею надеяться, вернетесь...

— Непременно. До свидания, господин профессор!

Подхватив Граухен на руки, она вышла из комнаты.

Паулина, эта добрая, заботливая душа, не знала, что и делать. Нынче случилось самое невероятное: профессор даже не притронулся к любимому блюду — фрикасе из курицы! Нет, *ничем* хорошим это не кончится! И все из-за злополучного яйца!

Паулина направилась не к родственникам, а к семейному врачу профессора, доктору Гартману, советнику медицины. Она излила перед ним свое старое, преданное сердце, поведала все свои горести, рассказала о том, как несколько дней назад профессор получил по почте большую каменную плиту, как работал над нею резцами день и ночь, высвобождая скрытое в камне яйцо, как не спал последние три дня и три ночи и ни кусочка не проглотил (не притронувшись да-

же к любимому блюду!), как изгнал из кабинета красивую серую кошечку, которая, как известно господину советнику, была памятью о покойной жене — и все ради того, чтобы добыть птенца из яйца проклятой птицы, каковое он поместил в нагретую жестяную коробку! — Свой рассказ Паулина завершила горячими слезами и настоятельной просьбой к господину советнику наставить ее хозяина на ум, пока еще не поздно!

— Хорошо, хорошо, фрейлейн Паулина, будет сделано! Возвращайтесь домой; я вскоре последую за вами. Часы посещения больных уже истекли; профессор должен считать, что я пришел к нему с визитом вежливости, как старый друг, а не как семейный врач.

Отворив дверь в кабинет старого друга, советник медицины доктор Гартман тотчас услышал короткий прерывистый звон сигнала тревоги.

Он вошел; следом вошла Паулина, которая также услышала звонок.

И — там, за столом, крепко спал старый профессор, и его растрепанная седая голова покоилась на вышеупомянутом изображении археоптерикса. Он заснул беспробудным сном и не услышал тревожный сигнал инкубатора.

Одним взглядом советник медицины оценил положение.

— Пожалуй, я пришел как раз вовремя! — пробормотал доктор Гартман.

Он задумчиво взглянул в лицо спящего, сосчитал пульс профессора и сказал:

— Не беспокойтесь, фрейлейн Паулина, я хорошо знаком с его конституцией! Он наверстает все упущенное во сне. Давайте устроим его здесь, на раскладном кресле; завтра, к этому же часу, он полностью восстановит свои силы — и, не исключено, станет вести себя более благообразно!

Затем престарелый советник приблизился к инкубатору... здесь также предстояло немало дел...

Приблизительно двадцать четыре часа спустя профессор Дилувиус проснулся.

Пораженный, он осмотрелся и понял, что лежит на кресле, обложенный со всех сторон подушками и одеялами.

Профессор был озадачен и на мгновение потерял нить своих мыслей. Затем его взгляд упал на инкубатор, стоявший на письменном столе.

Ловко, как юноша, профессор вскочил на ноги и поспешил к аппарату.

Яйцо было внутри — неповрежденное, и термометр показывал предписанную температуру инкубации! Профессор вызвал звонком Паулину.

Паулина, как видно, ждала звонка, ибо мгновенно появилась в дверях.

— Добрый день, дражайшая Паулина! Долго же я проспал, полагаю?

— О, совсем немного, дорогой господин профессор! Вы на минутку прикорнули на раскладном кресле; я принесла вам подушек. Когда я вернулась от родственников, вы так крепко спали, что я не решилась вас будить. С инкубатором все было в порядке и...

— Верно, верно, Паулина — я только что заметил, что перевел механизм на «автоматическую регуляцию» вместо «тревоги». Надо полагать, я ощутил сильную усталость и вовремя повернул выключатель. Слава Богу, механизм работал без перебоев. Машина все же надежней человека. — А теперь, милая Паулина, принесите мне что-нибудь поесть! Скажите-ка, осталось ли у вас еще немного фрикасе?

— Конечно, конечно, дорогой господин профессор! Сейчас же подам!

И, сияя от радости, она бросилась на кухню.

Поскольку старый профессор вновь наслаждался фрикасе, Паулина больше за него не беспокоилась. Что же до профессора, то он превозмог пароксизмы минувших дней, так как удостоверился, что механизм автоматической регуляции инкубатора работает надежно и исправно.

Внешне он казался прежним решительным и вдумчивым ученым, но его внутренний мир был озарен восходящим солнцем великой надежды!

Дни проходили спокойно, размеренно... Дни слагались в недели...

Во второй половине двадцать четвертого дня профессор Дилювиус сидел в кабинете. День выдался душный, и пылающий жар июльского солнца наваял на профессора сонливость.

Он грезил в полудреме, с открытыми глазами. Увешанные коврами стены кабинета словно раздвинулись — бесконечная даль как будто распахнулась перед ним, тропа под ногами вела в обширную зеленую долину. Неведомые растения с причудливо искаженными формами, произраставшие в изобилии, точно в теплице, нависали над головой, вились и стелились под ногами. В чаще девственного леса копошились, прыгали и бегали неведомые, фантастические существа.

Внезапно скользящая тень упала на тропу.

Воздушное создание перелетало с одного странного и причудливого древесного ствола на другой.

Его оперение, в особенности длинный хвост, подобный пальмовому листу, сверкало металлически-зеленым блеском. Вот необычайное существо пронеслось совсем низко над путником и повисло на одном из стволов, расходившихся в стороны ветвями, как канделябры.

Оно висело и покачивалось, сложив крылья и вцепившись в дерево длинными острыми когтями, которые выступали из гущи маховых перьев рядом с сочленениями. Существо разинуло клюв, собираясь проглотить схваченную добычу, и стали отчетливо видны острые белые зубы.

— Археоптерикс! — бессознательно прошептал ученый.

И вдруг в последние мгновения грезы вторглось громкое звяканье, словно где-то разлетелось на куски стекло!

Профессор Дилювиус резко выпрямился. В этот миг перед его полузакрытыми глазами промелькнула быстрая тень.

Стала ли греза волнующей явью? Он подбежал к инкубатору — в нем лежала разбитая яичная скорлупа, сброшенная вылупившимся существом. — Но где же, где же оно? — Как удалось ему пробить стеклянное окошко инкубатора?

В лихорадочной поспешности он осмотрел все углы и закоулки кабинета — бесполезно!

Забрался в камин и заглянул в дымоход — ничего!

Поставил стул на письменный стол и исследовал пустое пространство над верхними крышками шкафов и складки тканевых занавесок — все впустую!

Там — под креслом — шорох!

Он молниеносно сжал руки...

И в дрожащих руках профессора оказалась... оказалась... Граухен, серая домашняя кошка, незаметно прокравшаяся в кабинет.

Она все еще облизывала окровавленную мордочку...

На миг профессор Дилювиус застыл недвижно, как статуя. Его седые локоны взвились, как волосы Медузы, вкрут мраморно-бледного чела. Но тотчас он пришел в чувство. Его серые глаза метали молнии! В слепой ярости он схватил злоумышленницу за загривок! И, словно помешанный, принялся метаться по комнате.

— Паулина! — возопил он хриплым от волнения голосом.
— Паулина!

Охваченная ужасом, Паулина возникла на пороге кабинета.

— Эта бестия — прокралась сюда — разбила окошко инкубатора — и — *сожрала* — моего — только что — вылупившегося — археоптерикса!

Он с трудом, по отдельности выкрикивал слова.

И, едва не обезумев от разочарования и обиды, профессор добавил:

— Я убью коварную мерзавку и вскрою ее, чтобы спасти, по крайней мере, измельченные останки драгоценной первотпицы!

Он яростно встряхнул Граухен, безуспешно пытавшуюся высвободиться из железной хватки профессорских рук.

— О, чудовище, проклятая, лицемерная гадина!.. Ты за это заплатишь! Заплатишь!

Паулина, сложив на груди руки, стояла перед разъяренным ученым.

— Господин профессор, дорогой мой, добрый господин профессор...

— Здесь и ваша вина, Паулина! Почему вы лучше не присматривали за этой позора достойной тварью? Мой археоптерикс, мое вдохновение, моя мечта, моя надежда — венец всех забот и трудов минувших недель! Дар неисчислимых тысячелетий, ниспосланный мне благим промыслом судьбы — съеден — кровожадной кошкой!

Он подошел к инкубатору.

— Там покоятся осколки моего счастья! Тысячи людей позавидовали бы мне, узрев мое сокровище — и теперь...

— Господин профессор —

— Только подумать, ископаемое существо пробудилось от векового сна, вылупилось, жило! И я даже не увидел его живым! Даже не увидел живым! Ах, мой археоптерикс!

— Господин профессор, дорогой мой, добрый господин профессор, — снова начала Паулина, и по щекам преданной служанки покатались слезы. — Послушайте: в жестяной курице созрело яйцо совсем не вашего зверя, чье имя я не могу и выговорить...

Профессор Дилювиус выпустил из рук кошку и пристально уставился на экономку широко раскрытыми глазами.

— Господин профессор, — продолжала Паулина, — яйцо раскололось три недели назад, в тот день, когда вы так крепко заснули! Вас посетил тогда господин советник медицины. Он сказал, что температура в жестяном ящике чересчур повысилась. Но он опасался, что горечь утраты будет для вас слишком болезненна. Поэтому он взял другое яйцо, нарисовал на нем чернилами пятна и поместил это яйцо в инкубатор. И сегодня из него вылупилась — *утка!*

Эден Филлпотс

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

Стоял прекрасный день кембрийского периода, и яркое солнце заливало лучший из пейзажей, каким могла похвастаться старушка Земля в те далекие времена. Громадные илистые топи простирались на тысячи миль во все стороны, а между ними блестели мелководные океаны. Скромная растительность тянулась к солнцу, и над всем висел тяжелый, густой как пар воздух. Благородно посверкивали радуги — вероятно, самое красивое явление эпохи кембрия.

Царила полнейшая тишина. Ни единое перо не пело в небе, ни единый плавник не разрезал водную гладь; и никакие звери, никакие стада не бродили по суше: одним словом, ничто не нарушало поразительную монотонность этой доисторической картины.

Но вот на горячую илистую корку болота выбралось маленькое, смахивающее на лобстера существо с многочисленными члениками и большими глазами. У челюстей, как бакенбарды, топорщились разнообразные щупики. В существе было двадцать дюймов длины, и держалось оно с безукоризненным достоинством, хотя в болотной грязи сохранить достоинство способен разве что трилобит. Наш трилобит — ибо им-то он и был — задумчиво оглядел кембрийский полдень, глубокомысленно свернул усики и расправил на солнце свои сверкающие членики. Вскоре появилась трилобитиха и безмятежно растянулась рядом.

— Когда я гляжу на этот вид, — сказал трилобит, — когда я вспоминаю, что в мире нет никого, кроме нас, я часто склонен думать...

И он поднял выпуклые глаза в зенит.

— Думать? Но о чем? — спросила его жена. — Мир принадлежит тебе по праву, как господину творения. Не забывай, ты самый чудесный обитатель ила; ты умеешь ходить и разговаривать; а главное — ты живой, ты живое существо, ты шедевр Природы.

— Думать так легко и приятно, — размышлял вслух трилобит, — но иногда, в редкие минуты скромности, мне на-

чинает казаться, что я отнюдь не самое совершенное творение Природы. Порой я даже представляю себе нечто крупнее, сильнее, прекраснее трилобита. Мысль жутковата, но я ничего не могу с собой поделать.

— Это ерунда и чепуха, дорогой. Ты напрашиваешься на комплимент? Крупнее? Святые небеса! в тебе двадцать дюймов: разве этого недостаточно? Лучше? Ты хороший муж и отец: можно ли требовать большего от трилобита? Что же до красоты, то я в жизни не вышла бы за тебя замуж, не будь ты самым привлекательным джентльменом, какой когда-либо украшал собою болота. Природа никогда не создаст ничего прекраснее трилобита. И знаешь почему? Потому что она не может. Возможно ли представить себе что-то иное? Существо с более удобными конечностями, более изящными члениками, более развитыми клешнями, лучшим зрением, чувствами, манерами и самоуважением? Тебе отлично известен ответ.

— Я не могу вообразить такое существо, но не исключаю саму возможность его появления.

— Чуть! — отрезала миссис Трилобит. — Мы лучшие и самые совершенные, и точка. Мир создан для нас.

За ней, как всегда, осталось последнее слово. Трилобит пожал плечами и вразвалку заковылял к своему семейству. В глубине души он испытывал некоторые сомнения.

II

Прошли миллионы миллионов лет, и мы оказываемся в мезозойской эпохе в компании добродушного и гигантского динозавра — *Brontosaurus Excelsus*.

Ясный день перевалил за полдень. Чудовище, несмотря на приятные климатические условия, пребывало не в духе. Бронтозавр сидел на задних лапах, качал вправо и влево огромной шеей и безразлично пережевывал кроны шести высоченных пальм.

Раздался громкий шум, вода в реке закипела, словно у его ног взорвалась торпеда, и появилась жена динозавра, громадное существо, очень похожее на мужа, только поменьше.

— Ах, моя малышка, ты вернулась? — воскликнул он и, давя пальмы, как кочаны капусты, плюхнулся в воду рядом с ней.

— Ты чем-то огорчен, мой милый Бронто, — заметила она с милой заботливостью новобрачной.

— Не огорчен, а всего лишь задумчив, любовь моя. Этот прекрасный мир — реки и озера, деревья и рощи плаунов — все это, я иногда думаю, вряд ли было создано для нас.

— Не для нас?!

— Мир был создан не только для нас и наших друзей. Возможно, настанет время, когда здесь будет пастись, плавать в реках и греться на солнце нечто мудрее, величественней и совершенней *Brontosaurus Excelsus*.

— Какие глупости, дорогой! Величественней тебя? Кто может быть длиннее ста футов? Весить больше пятидесяти тонн? А насчет остального — кто лучше меня знает твою доброту и мудрость? Нет-нет, ты слишком скромн, милый мой. Ты первый и лучший — шедевр Природы, ее радость, ее несказанное торжество.

— Но есть еще Атлантозавр, — с сомнением произнес Бронто.

Его жена нахмурилась, и ее громадные глаза ящера затуманились.

— О да, есть еще Атлантозавр, — признала она, — это громоздкое, кровожадное, низменное животное! Негодяй, пожирающий других живых существ — испорченная и деградировавшая ветвь нашего семейства, каннибал! Природа краснеет, думая о нем и его собратьях; но мы, мы далеки от него, мы едим зеленую траву, сочный тростник, молодые побеги и сочные плоды пальм, и мы...

Тень заслонила солнце. Высоко над деревьями поднялась страшная голова с глазами, как велосипедные колеса, и окровавленными блестящими зубами.

— Это Атланта! Бежим!

Два одновременных всплеска воздвигли над мезозойской рекой громадный столб воды. Бронтозавр и его лучшая половина исчезли.

III

Снова в вечной процессии Времени прошли миллионы миллионов лет. Профессор Джебвей, член Королевского научного общества и т.д. и т.п., уныло сидел за столом, перечитывая рецензию на свой последний монументальный труд.

Рецензент не имел и понятия о маловразумительном предмете, которому была посвящена книга профессора Джебвей, а потому мудро изливал потоки восхищения на протяжении четырех журнальных колонок, объявляя, что подобных вершин человеческий разум не знал со времен колоссальных достижений Дарвина.

Миссис Джебвей принесла чай и критически взглянула на профессора.

— Напрасно ты сидишь с таким мрачным видом, — сказала она. — Автор растекается, как елей. Если журнал имеет вес, это пойдет тебе на пользу. Я прочитала вчера.

— Не в том дело. Ни хула, ни похвала этого господина не имеют никакого значения. Я просто задумался сегодня над собственной ограниченностью. Хотел бы я жить в будущем, когда раздвинутся границы человеческих познаний...

— Никто и никогда не познает больше нас. Человечество и так знает чересчур много благодаря таким людям, как ты. Об этом сказано в Писании.

— Нет, мы только в начале пути. Человек — такой несовершенный, неполноценный, бесплодный, кратковременный механизм! Проблеск новых чувств в негодной, жалкой оболочке...

— Ничего подобного! Лучше выбрось эти глупости из головы, больше гуляй и время от времени читай Библию вместо Гексли и прочих...

— Тщедушная оболочка, в которой нет ничего ценного! Если бы прошли миллионы миллионов лет, и я воскрес...

— Не знай я тебя, — сказала она, — я возмутилась бы. Мнение жены учитывается? Человек, во всяком случае, венец творения — первое создание Природы, осознающее себя живым, ее шедевр. Ничто величественней человека не возникнет на этой планете. Запомни мои слова и чаще читай Библию. А теперь пей чай и перестань говорить глупости о жалких оболочках. Ты — хорошо упитанный и хорошо выглядящий ученый, зарабатывающий тысячу в год. И если Природа сотворила когда-либо человека лучше, мудрее и добрее — я хотела бы на него взглянуть.

Профессор Джебвей вздохнул и взял чашку.

— Грядет нечто лучшее, — сказал он. — Нет, тебя никто не превзойдет, дорогая, это невозможно... но вот меня...

IV

Миновал еще миллион лет. Перед нами ППП (Последний Писк Природы).

ППП сидел в своем стеклянном жилище и путем чистейшего ментального усилия беседовал с другими существами, обмениваясь с ними мыслями, как мы общаемся сегодня с помощью беспроводного телеграфа. ППП был мягким и розовым, а его голова напоминала непомерно разросшийся кабачок. Мозг занимал внутричерепную полость, возвышавшуюся на три фута над лицом. Глаза сверкали, как алмазы. Дышал он жабрами; рудиментарный рот был ему ни к чему, так как питался он запахами. На спине дрожали слюдяные крылья. При движении крылья становились невидимы, и он кротко порхал в воздухе.

Откуда-то всплыла жена ППП, и их глаза и мысли вступили в разговор.

— Почему природа не торопится? — сказал ППП. — Я теряю терпение, а она так медлительна. Ни в ком из наших детей я не вижу признаков улучшения и прогресса.

— Надеюсь, она не станет торопиться! — телеграфировала в ответ его жена. — Девочки в точности похожи на меня, а мальчики на тебя — и слава Богу! «Улучшение», скажешь тоже! Они самые прекрасные детки на свете, лучше не найти!

— Но я надеялся, что они...

— Эх ты, старый фантазер. Мы вершина, гребень волны, триумф Творения, мы самые-самые — мы само Совершенство!

Но ППП покачал своей громадной головой.

— Я сомневаюсь, — передал он жене.

Комментарии

Д. Джозефсон. Грегосавр из Черного озера

Впервые: *Western Field*, 1905, Vol. 6, № 3, апрель, под назв. «The Gregosaur of Black Lake». Пер. В. Барсукова.

Д. Джозефсон (1881-1959) – писатель, в 1914-43 гг. голливудский сценарист, автор сценариев многочисленных немых и звуковых кинофильмов. Был известен адаптациями театральных произведений для немых кинолент, номинирован на премию «Оскар» за сценарий кинофильма «Дизраэли» (1929). Описанный в рассказе Орегон был хорошо знаком Джозефсону как уроженцу этого штата.

С. 8. *Ли Сум скатал еще комок...* — Источник эпитафии не установлен.

С. 9. *...Черного озера* — реально существующее небольшое озеро в национальном лесном заповеднике Маунт-Худ (Орегон).

Ж. Дюпуи. Чудовище Партридж-Крик

Впервые: *Je sais tou*, 1908, № 39, 15 апреля, под назв. «Le monstre de “Partridge Creek”»; *The Strand Magazine*, 1908, Vol. XXXVI, № 211, июль. Пер. М. Фоменко.

Ж. Дюпуи (Duru, ? – 1911) – французский литератор, журналист, путешественник, энтузиаст автомобилизма, в нач. XX в. продвигал планы «вторжения» американских автомобилей на европейский рынок.

Рассказ вызвал в свое время некоторый ажиотаж в прессе. Газеты писали, к примеру, что 2-й герцог Вестминстерский заключил с Дюпуи «щедрый контракт <...> на организацию экспедиции и в том числе фрахт 4,000-тонного трампового судна, которое должно привезти прямо в Лондон живое чудовище весом в 80 тонн и даже бо-

лее!» Сообщения о новой экспедиции на поиски «арктического цератозавра» вновь стали всплывать в крупных американских газетах в конце 1927 – нач. 1928 г., причем связывались с недавним (1926) открытием хребта Черского, «настоящего дома» динозавра; высказывались предположения, что цератозавр регулярно путешествует между Аляской и Сибирью «по Берингову проливу, когда лед достаточно крепок», выжил же потому, что регулярно, после недолгих периодов бодрствования впадает на 10 лет в спячку. В наши дни рассказ часто цитируется криптозоологами, которые справедливо считают цератозавра Севера полнейшей выдумкой (что не относится, безусловно, к обнаруженным палеонтологами останкам арктических и антарктических или т. наз. «полярных» динозавров).

С. 17. ...*племени клаякук* — Возможно, имеется в виду индейский народ квакиутл, проживающий в США и Британской Колумбии (Канада).

С. 17. ...*реки Стюарт... реки Мак-Квестен* – Стюарт – река на Юконе, в описываемое время место небольших золотых приисков, р. Мак-Квестен – приток реки Стюарт.

С. 25. *Цератозавр!* – Цератозавр, хищный динозавр юрского периода, был описан в 1884 г. О. Маршем и хорошо известен публике. В английском варианте существо названо просто «динозавром».

С. 26. ...«*Dawson Daily Nugget*» – букв. «Доусонский ежедневный самородок» (англ.).

С. 26. ...«*Подражатель Эдгара По*» – в английском варианте текст звучит куда более лестно: «Соперник Эдгара По».

У. К. Джонс. Ужас юнгас

Впервые: *Weird Tales*, 1927, сентябрь под назв. «The Beast of the Yungas». Пер. В. Барсукова.

Уиллис Кнапп Джонс (1895-1982) – американский профессор, специалист по латиноамериканской литературе, переводчик. С

1920 г. преподавал в различных университетах США, Англии, Чили, Эквадора и Уругвая. В 1920-30-х гг. опубликовал ряд приключенческих и фантастических произведений.

С. 27. *Юнгас* – район восточных предгорий Анд с влажными тропическими лесами в Боливии, Перу и Аргентине.

С. 29. *Бени* – северо-восточный департамент Боливии, центр древнейшей доколумбовой культуры Льянос-де-Мохос и одно из мест, с которым связывались легенды об Эльдорадо.

С.30. ...эскадрилье «Лафайет» – Эскадрилья «Лафайет» – легендарное истребительное подразделение французских ВВС в годы Первой Мировой войны, в котором служили в основном американские летчики-добровольцы.

С. 31. *двадцативосьмифутового удава* – Т. е. длиной в 8,5 метров, что значительно превышает длину известных науке боа. Описания гигантских змей Южной Америки стали общим местом приключенческих романов и часто встречаются в рассказах путешественников; длина этих змей, как правило, во много раз превышает длину известных экземпляров. Так, знаменитый исследователь Персиваль Гаррисон Фосетт (1867-1925?) сообщал о 62-футовой анаконде.

Ф. Г. Шмидт. Доисторические чудовища амазонских
джунглей

Впервые: *New York Herald*, 1911. 29 января, под назв. «Prehistoric Monsters in Jungles of the Amazon», с подзаг.: «Поразительный рассказ исследователя, описывающего динозавра, которому не смог причинить вред ливень пуль из ружей для охоты на слона». Пер. В. Барсукова.

Рассказ «Франца Германа Шмидта», являющийся не столько газетной уткой, сколько художественным вымыслом, тем не менее привлек пристальное внимание криптозоологов, которым предсказуемо не удалось обнаружить никаких следов путешественника с таким именем. Между тем, чересчур легковерного читателя должны были насторожить первые же строки, где упоминается

Эмиас Лейк (Amyas Leigh) – герой популярнейшего романа Ч. Кингсли *Westward Ho!* (1855) о британском корсаре. Словно и этого мало, далее перевернуто имя П. Г. Фосетта (см. выше), а 100-футовые (т.е. 40-метровые) удавы именуются научным фактом.

С. 42. ...*железнодорожный проект Мадейра-Маморе*... – построенная в 1907-1912 гг. и заброшенная с 1972 г. железная дорога в бразильском штате Рондония. Прозвана «Дорогой дьявола», т. к. во время ее строительства погибли тысячи рабочих.

С. 42. ...*Персиваль Фаркхар* – Персиваль Фаркхар (Farquhar, 1864-1953) – американский предприниматель, чьи деловые интересы распространились на Южную Америку и Россию.

С. 52. ...*в пяти градусах тридцати минутах южной широты и семидесяти градусах пяти минутах западной долготы* – Указанные координаты (5°30' S, 70°5' W) соответствуют местности на западе бразильского штата Амазонас, к югу от стыка границ Бразилии, Колумбии и Перу.

Р. Дехан. Великий зверь Кафуэ

Рассказ (под назв. «The Great Beast of Kafue») вошел в сб. автора *Under the Hermes, and Other Stories* (New York, 1917). Пер. А. Шермана.

Р. Дехан – псевдоним ирландской писательницы, драматурга, журналистки Клотильды Грейвс (1863-1932). Дочь ирландского офицера и воспитанница католического монастыря, Грейвс шокировала лондонское общество короткой стрижкой, «мужскими» манерами и публичным курением. Изучала изобразительное искусство, работала в Британском музее, играла в театре, позднее публиковалась в журналах. В 1887-1913 гг. шестнадцать ее пьес были с успехом поставлены в Лондоне и Нью-Йорке. Первый роман под псевдонимом «Ричард Дехан», посвященный англо-бурской войне («The Dop Doctor») вышел в свет в 1910 г. С тех пор Грейвз публиковалась как под псевдонимом, так и под собственным именем, выпустила более 20 книг, вкл. романы и сборники рассказов.

Сообщения о живущем в болотах и озерах Центральной Африки динозавре начали распространяться в конце XIX в. и продолжали появляться на протяжении большей части XX в. Существо нередко описывали как бронтозавра (апатозавра); рассказ Р. Де-хана и следующий ниже рассказ Г. Френсиса «Последнее логово динозавра» следуют этой традиции. Прочие описания существа, которое иногда называли «чипекве» («чудовище» на языке бемба), резко варьировались – от создания меньше бегемота до полудракона, «пожирателя гиппопотамов», превышающего размерами слона. В начале XX в. особый вес этим сообщениям придали упоминания о чипекве в вышедших в 1909-1910 гг. книгах К. Гагенбека «Звери и люди» и Г. Шомбургка «Дикие животные и дикари в сердце Африки». В 1911 к данной теме обратился русский фантаст М. Первухин (1870-1928) – см. его рассказ «Зверь из бездны» в нашем сб. «Бог пещер» (2014).

С. 53. *Кафуэ* – старое название Северной Родезии (ныне Замбия), по имени р. Кафуэ.

С. 54. *...в женском лагере Гельдерсдорпа во время осады* – В период англо-бурской войны англичане бросили в концентрационные лагеря десятки тысяч мужчин, женщин и детей-буров, где тысячи из них погибли от голода и болезней. Под названием «Гельдерсдорп» в произведениях автора выведен Мафекинг, город в современной ЮАР на границе с Ботсваной, который буры безуспешно осаждали с октября 1899 по май 1900 г.

С. 54 *...в государственной артиллерии* – Государственная артиллерия (Staatsartillerie) – артиллерийские войска буров, за исключением полиции единственные регулярные и имевшие отличительное обмундирование части в бурских вооруженных силах.

С. 55. *...большая птица* – У автора *raaiw*, букв. дрофа.

С. 55. *...mijn jongen* – мальчик мой (голл.).

С. 57. *...veldschoens* – тяжелые рабочие или походные ботинки (искаж. голл.).

С. 57. ...охотника-машоны – Машона (шона) – народ, проживающий в современных Зимбабве и Мозамбике. Включает множество подгрупп.

С. 57. *Natuurlijk* – разумеется, конечно (голл.).

С. 57. *Dat spreekt* – Здесь: правильно (голл.).

С. 58. *Ik wiet niet* – я не ведаю (голл.).

С. 58. ...*op en neer* – здесь: вверх и вниз по течению (голл.).

С. 58. ... *пушки Максима-Норденфельдта* – Имеется в виду малокалиберная автоматическая пушка, изобретенная в 1883 г. американским инженером Х. С. Максимом.

С. 60. ...*voor den donder!* – здесь: разрази меня гром! (голл.).

С. 61. ...*baas* – хозяин (голл.).

С. 61. *Al recht uit!* – Все в порядке (голл.).

С. 62. *Almachtig!* – Боже всемогущий! (голл.).

На поиски динозавров Африки

«Searching for Saurians in Africa», *The Fresno Bee*, 1928, 18 февраля (вероятно, синдицированный материал филадельфийской *Public Ledger*), с подзаг.: «Можно ли в малоизвестных областях Черного континента обнаружить потомков доисторических чудовищ, некогда топтавших землю? Жители джунглей рассказывают охотникам странные истории о таинственных животных, ведущих первобытный образ жизни в неизведанных дебрях». Сокращенный пер. В. Барсукова.

Данный текст, продолжающий тему «африканского бронтозавра» – образчик газетной прозы 1920-х гг., когда, по удачной формулировке криптозоолога Л. Колмана, «казалось, что в любую минуту в Африке или Южной Америке может быть обнаружен живой динозавр». В переводе опущена небольшая заключительная

часть, где говорится о нанди-бэре и других африканских криптидах.

С. 68. ...*железной дороги Кейптаун-Каир* – Незаконченная железная дорога, которая должна была соединить британские владения в Африке; строительство ее началось в конце XIX в.

С. 68. *Баротсе* – также лози, народ, в основном населяющий область Баротселенд в современной Замбии.

С. 72. ...*было найдено живым в Центральном Конго экспедицией немецкого герцога Мекленбургского* – Окапи, о котором идет речь, был фактически открыт будущим губернатором Уганды Г. Джонстоном на рубеже XX в.; африканская экспедиция герцога Адольфа Фридриха Мекленбургского (1907-1909) привезла лишь несколько шкур и скелет.

Г. Френсис. Последнее логово динозавра

Впервые: *The English Illustrated Magazine*, 1908, сентябрь, под назв. «The Last Haunt of the Dinosaur». Пер. М. Фоменко.

С. 75. *Карру, в Капской колонии* – Карру (Кару) – регион на юне Африки, преимущественно на территории современной ЮАР; Капская колония – голландское, затем английское владение в Южной Африке с центром в Кейптауне.

С. 76. ...*территорию Кхама* – Имеется в виду центральный район современной Ботсваны.

С. 76. ...*Вааль* – река в Южной Африке, главный приток р. Оранжевой.

С. Х. Адамс. Летучая смерть

Впервые: *The Strand Magazine*, 1903, Vol. XXV, №№ 147-148, март-апрель, под назв. «The Flying Death», с подзаг. «История в трех письмах и одной телеграмме». Русский перевод: *Мир приключений*, 1911,

№ 3. Публикуется по указанному изд. с исправлением некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Имена и топонимы оставлены без изменений.

Сэмюэль Хопкинс Адамс (1871-1958) – американский журналист и литератор, прославившийся разоблачительными журналистскими расследованиями. Работал в *New York Post*, *McClure's Magazine*, *Collier's*. Автор более 400 рассказов и статей, ряда романов (многие из них так или иначе связаны с миром журналистики). Под псевдонимом «Уорнер Фабиан» опубликовал в 1920-х гг. два откровенных по тем временам романа о сексуальных похождениях молодых женщин «эпохи джаза», ставших сенсационными (*Flaming Youth* и *Unforbidden Fruit*, оба экранизированы). Публикуемая новелла была переработана автором в роман, вышедший в 1908 г.

С. 97. *Пари на пятьсот фунтов пятидолларовых монет...* – Ошибка переводчика, у автора: «Ставлю пятьсот долларов против пяти».

С. 102. *...явилось сюда в 1910 году* – В оригинале здесь и далее указан 1902 г., когда и был, очевидно, написан рассказ.

С. 104. *...упорно циркулирующей легенды о грифе* – В классической мифологии гриф – существо с телом льва и головой и крыльями орла.

К. Грунерт. Яйцо археоптерикса

Рассказ (под назв. «Das Ei der Urvogels») вошел в авторский сборник *Der Marsspion und andere Novellen* (1908). Пер. М. Фоменко.

Карл Грунерт (1865-1918) – немецкий поэт, драматург, писатель-фантаст. Работал гимназическим учителем. Автор ряда забытых сборников стихов и пьес. В истории фантастической литературы остался благодаря 33 «новеллам о будущем», частично вошедшим в прижизненные сборники «По ту сторону мира» (1903), «Люди завтрашнего дня» (1905), «Враги во Вселенной?» (1907) и «Шпион с Марса» (1908).

С. 125. ...*rara avis* – «редкая птица», в переносном смысле — нечто редкое, исключительное (*лат.*).

С.126. ...*доктор Финдер* – букв. «искатель», «первооткрыватель» (*нем.*).

Эден Филлпотс. Бесконечная история

Рассказ (под назв. «A Story Without An End») вошел в авторский сборник *Fancy Free* (London, 1901).

Эден Филлпотс (1862-1960) – английский писатель, поэт и драматург, друг Агаты Кристи, регулярно гостившей в его доме. Жил в Дартмуре, которому посвятил популярный «дартмурский цикл» из 18 романов и двух томов рассказов; долгое время возглавлял Общество сохранения памятников Дартмура. По его комедии «Жена фермера» А. Хичкок поставил в 1927 г. одноименный немой кинофильм.

Оглавление

Д. Джозефсон. Грегозавр из Черного озера. <i>Пер. В. Барсукова</i>	7
Ж. Дюпуи. Чудовище Партридж-Крик. <i>Пер. М. Фоменко</i>	16
У. К. Джонс. Ужас юнгас. <i>Пер. В. Барсукова</i>	27
Ф. Г. Шмидт. Доисторические чудовища амазонских джунглей. <i>Пер. В. Барсукова</i>	38
Р. Дехан. Великий зверь Кафуэ. <i>Пер. А. Шермана</i>	53
На поиски динозавров Африки. <i>Пер. В. Барсукова</i>	65
Г. Френсис. Последнее логово динозавра. <i>Пер. М. Фоменко</i>	73
С. Х. Адамс. Летучая смерть	89
К. Грунерт. Яйцо археоптерикса. <i>Пер. М. Фоменко</i>	123
Э. Филлпотс. Бесконечная история. <i>Пер. В. Барсукова</i>	137
Комментарии	144

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.